

БОРИС РИФКИН

К. П. Х. П.

π

De corvo et vulpe

Случилось это, в общем-то, давно,
Когда людей не очень много было,
А по земле одно зверье ходило, –
Хотя не все ли нам равно?..

Забыв о том, что звери – братья,
Младую лань зарезал злой шакал
И этой жертвою воззвал
К богам, низвергнувшим проклятье.

Настал период голода, разврата,
Уж не бежит к реке на водопой
Семейство ланей шумною толпой –
Их тяготит огромная утрата.

Здесь всяк другого съесть стремится,
Чтоб смерть голодную не встретить вдруг,
Спешит в нору испуганный барсук,
А меж деревьями снует лисица...

Но наша сказка не для дурака
И не для выкриков с балкона.

Однажды старая ворона
Стащила сыр у хомяка.

И быстро поглядев по сторонам
(Хотя стара, но жить еще хотела),
На ель ворона медленно взлетела,
Чтоб сыр сожрать спокойно там,

Да призадумалась старушка
О жизни странной и пустой...
На ту беду под елью той
Бежала рыжая подружка.

Лиса как будто сытою была,
Но сыр кого оставит равнодушным,
И, запахом ведомая послушным,

Она остановилась у ствола.

Подняв наверх глаза украдкой,
Всю морду жадно облизнув,
Лисица мучилась загадкой –
Ну как разжать вороний клюв?

Владев риторикой немного,
Лисица гордо поднялась,
И снизу вверх, как грешник с Богом,
Заговорила лисья пасть:

"Ах, эти бёдра, ляжки эти,
Я отдала бы все на свете
За то, чтоб быть одной из них...
Ах, эти крылья, эти перья –
И у павлина нет таких!
(Наемся сыра уж теперь я!)
Ах, этот взгляд, ах, эти очи,
Как маяки безлунной ночи,
За них я все бы отдала
(Когда б я вороном была).
Ты не поешь сегодня что-то –
Опять семейные заботы...
Но голос твой для всех награда,
И я была бы очень рада
Услышать пару нот..."

Вороне,
Сидевшей будто бы на троне,
Так был по нраву весь сонет,
Что та закаркала в ответ,

И сыр упал, как ожидалось;
Лисица тут же им нажралась
И убежала веселиться,
Забыв обманутую птицу.

Мораль писать не буду снова –
Смотрите в басне у Крылова.

1996 г.

Аллегория

Писать стихи – мое призванье,
Я в прозе, право, не силен,
Приди, наивное созданье,
В тебя навечно я влюблен!

Перо в ладони замерзает,
Но мозг теплится в голове,
Любовь мне в сердце нож вонзает,
Стрела застряла в тетиве...

Я не хочу сидеть и плакать,
Мне б разогнать печаль и тьму,
Но на душе такая слякоть,
Ведь я не нужен никому,

Со мною рядом милой нету,
И мне, признаться, все равно,
Но завершить поэму эту
Мне никогда не суждено...

1995 г.

Аромат

Любовь на вкус – как будто сладкий яд,
А жизнь пуста без чувства и движений,
Но я, вкушая горечь поражений,
Побед не вспоминаю аромат.

1995 г.

Бедра

Скажу откровенно, бодро –
К чему ненужная лесть:
Пышная грудь и бедра –
Вот что в ней ценное есть!

1994 г.

Благодать

Кому ты дарил благодать?
Кого, без особых прелюдий,
Укладывал спешно в кровать
И щупал за нежные груди?

2000 г.

БУРИМЕ

Ну чем хорош интимный чат?
Пришла девица в изолятор:
Сломала зубы о вибратор...
...зато зимою не стучат!

В душе я гнусный, словно тролль,
Морально - умственный калека,
Но ты любить меня изволь -
Я так похож на человека...

Я пыталась любить человека
И сказала: Раздеться изволь!
Только он оказался калека
И имел очень маленький тролль.

Ценить мои рифмы изволь,
Покуда умом не калека,
Ведь я не какой-нибудь тролль -
Я полностью сын человека!

Очень жаль, что простая бутылка
Задаёт самочувствию тон:
То ли прыщик в районе затылка,
То ли в области печени стон...

На этикет меня обходит мода,
И окружающая мучится среда:
Прости меня, пожалуйста, природа,
В прямой кишке не держится еда...

Тебя с любовником застал -
Такой уродский клон:
Ты распласталась, как журнал,
А он пыхтел, как слон...

Ты, конечно, совсем не кокетка
И при этом не полный урод:
Ноги - спички, фигура - конфетка,
Да грудей небольшой огород...

Я рос под влиянием Канта,
И ныне - почти великан,
А ты, постигая бельканто,
Написала целый стакан.

Кипит в душе тяжелый рок,
Желанье в сердце колосится,
И я, как хитрая лисица,
В кустах терзаю свой порок...

Вождельные себя не уплыло;
Предвкушая его урожай,
Я смотрел, как оно меня мыло,
И все время шептал: продолжай...

Чтобы счастье твое не уплыло
И богатый пришел урожай,
Ешь на завтрак клубничное мыло
И писать буриме продолжай!

Хорошо, когда в огороде расцветает плакучая ива,
Хорошо, когда вместо листьев шелестят исключительно рублики,
Только ты, моя дорогая, почему-то совсем не красива,
Твои груди совсем не мягкие и на вкус, как вчерашние бублики...

Затрепал, что есть мочи, старинный амбар,
На устах замолчал нецензурный глагол,
На тебя залезаю, как страшный загар,
Потому что ты гола и я тоже гол!

Я подчиненный, я совсем не босс,
Я не люблю, когда в компоте сода,
И песни я писать такие недорос,
Где за вступлением была бы сразу кода...

Пусть глаза у меня не красивые,
Пусть не мыслю, как Спасский и Таль,
Но имею я пальцы игривые
И "хозяйство" прочнее, чем сталь!

Не бросай возмущенные взоры,
Ты меня не обманешь, любимый:
На спине вот такие узоры
Очень сложно оставить дубиной...

Что жизнь моя? Почти лаванда...
С улыбкой думал капитан,
Но через час морская банда
Ему отрезала банан.

Мой приятель - хороший дантист,
Но при этом плохой каратист:
Он с поленом устроил любовь
И сломал, извиняюсь, морковь...

На диване валяется туша,
Груды тонкие, словно манжеты...
Вот такие порою сюжеты
Вызывает несвежая груша...

Проституция не развлечение
И отнюдь не лихая бравада:
Если вас обуяло влечение,
Не ложитесь под всякого гада...

На базаре измученный турок
День и ночь продает малахит,
Чтоб, по просьбе одной из дочурок,
У верблюда исправить рахит.

Вверху, в небесах, разливается тучка,
Подобно омлету на сковороде,
А где-то, внизу, сумасшедшая сучка
Настырно пугает биде...

Дорогой, я совсем не скотина,
Как младенец чиста и невинна;
Мне сегодня приснился Де Ниро,
И в постели поэтому сыро...

Не получились бы подобные отбросы
Вкуснее бы и ярче стал букет,
Когда б мои ты помнила запросы
Насчет того, что нужно класть в рулет...

Что наша жизнь? Увы, не сказка...
В постели женщина, невинна и чиста...
Критические дни? Дешевая отмазка,
Когда отсутствуют интимные места...

Не страшен любой идиот,
В пролете последняя гнида:
Пока еще жив патриот,
Врагу не сдается Флорида!

В темноте одинокой берлоги
Проживает находчивый гном,
Тот, который не платит налоги
За украденный с паперти лом.

В телевизоре бьется истерика,
Возмущением брызжет газета:
Раз волшебное царство - Америка,
БТР - однозначно, карета!

Устроили какой-то вандализм -
Не для того был сделан этот фрейм,
Чтоб каждый здесь придумывал никнейм
В надежде, что последний - не трюизм...

Покуда в мрак не унесло,
Стихосложение - отрада,
Поэзия не ремесло,
И ваши "плюсы" не награда...

2003 г.

Бусы

Давно придумали зулусы, украсить дабы образ свой, вещь, нам известную как бусы, что недрожащею рукой дарил я девушке любимой в начале долгого пути, живя мечтой, пусть даже мнимой, любовь прекрасную найти.

1994 г.

В моральном плане

Моральных уродов много,
Как много в них стыдобы;
Но меня терзает тревога
За этих людей без судьбы.

Когда никчемные взгляды
Сверкают, злобу струя,
Не вижу я в том отрады,
Души в том не вижу я.

Никто их в гости не примет,
За руку не возьмет,
Девушка не обнимет,
(Даже юноша не кивнет).

В общество не вернуться;
Просто растаять, как дым,
Лечь бы и не проснуться –
Все, что осталось им.

Подобно ежам в тумане,
Бредут в безвестную даль
Уроды в моральном плане;
Право, мне так их жаль...

2000 г.

Венеция

За навязчивость разум ругая,
Все пишу в благородном стиле я...
Ах, мадам моя дорогая,
Неприступны Вы, как Бастилия!

Вы мне сниться не перестанете,
И когда растоплю Вам сердце я,
Вы, любезный мой друг, растаете,
Мокрой станете, как Венеция!

2006 г.

Вскружи мне голову...

Вскружи мне голову, подруга,
Собою ум воспламени
И в столь безрадостные дни
Будь мне лекарством от недуга.

Утонем в сладостном лобзанье,
Разгорячится в теле кровь;
Пусть просыпается желанье,
Пусть просыпается любовь...

В большой и трепетной надежде
Неслышно в сердце мне войди,
Былое чувство разбуди
И усыпи его, как прежде.

1996 г.

Гвоздь

В скамейку вбит огромный гвоздь,
Он острием торчит наружу,
Но снова я – твой поздний гость,
И гвоздь тебе теперь не нужен.

1993 г.

Дворник

Где есть любовь, там есть и совесть –
Она грехи не предпочтет...
Так думал я, листая повесть
О том, кто чувства подметет.

Но в чем же суть решений строгих,
Коль очевиден приговор?
Я был одним из тех немногих,
Кто сердцем крепок, словно вор.

Не так давно душа летела
Самозабвенно надо мглой,
Потом упала, будто тело,
Врага пронзенное стрелой.

Вокруг бескрайнее пространство,
Последний крик, последний вздох...
К чему подобное жеманство –
Давно заснул на небе Бог.

Опять господствует страданье,
Оно приходит вновь и вновь...
Проснись, заветное желанье
Познать мечту, познать любовь...

Моли, бесчинствуй, унижайся –
Судьбы ниспосланный ответ,
И размышлению предайся,
Зачем явился ты на свет?

Чтоб быть еще одним пороком?
Быть провозвестником любви?
Быть поучительным уроком
Для тех, кто сердцем соловьи?

Там самолюбье неуместно,
Где боль сердечная гнетет,
Ну что ж, теперь и мне известно,
Кто чувства в сердце подметет.

1994 г.

Дева Анна

Не ем в столовой каши манной,
Не пью на полдник сладкий чай:
Я околдован девой Анной,
В нее влюбился невзначай.

Она пленила нежным взглядом,
Что озарила красота...
Ах, если б мог быть с нею рядом
И целовать ее в уста!

Быть может, в чувствах, как всегда,
Виновна детская наивность,
Но ей не будет и следа,
Когда увижу я взаимность.

2000 г.

Диплом

Прошло пять лет – отнюдь не мало,
Они казались страшным сном,
Но в предвкушении финала
Томленье столь желанным стало:
В июле выдадут диплом!

Я помню, как в стремленье детском
За разрисованным столом
Мы изъяснялись на немецком.
Нам в поздравлении кокетском
В июле выдадут диплом!

Я помню, как в контакте близком
С преподавателем вдвоем
Мы объяснялись на английском;
Теперь на эшафоте склизком
В июле выдадут диплом!

Я помню, как ломались стулья
И как учиться было в лом.
Пять лет мы как-то протянули –
Воспрянем духом до июля:
В июле выдадут диплом!

Нам проповедовать привыкли –
И не какой-нибудь бином:
Приставки, суффиксы, артикли –
Мы головою не поникли:
В июле выдадут диплом!

В своем мозгу копаясь узком,
Мы и не знали, что потом
Гордиться будем этим сгустком;
Но я надеюсь, что на русском
В июле выдадут диплом!

Сомненья прочь! Их быть не может!
Гони расстройство помелом!
Не зря мы лезли вон из кожи;

Они пытали нас, и что же? –
В июле выдадут диплом!

Господь послал нам эту манну,
Лови ее с раскрытым ртом,
И повторять я не устану:
Теперь нам всё по барабану –
В июле выдадут диплом.

Совсем немного остается:
Ворвется счастье в каждый дом,
И сердце радостно забьется,
И алкоголем все зальется –
В июле выдадут диплом!

2000 г.

Достойная смерть

Поэту юному поверьте
Иль даже черту самому:
Когда своей боишься смерти,
Рождаться вовсе ни к чему.

Лишь сердце съежится во мраке,
Душа испустит гордый дух –
И либо в гроб, в парадном фраке,
Либо в костер – одно из двух.

Допустим, в гроб... Покой досадный
Лежать среди гниющих тел,
Но ты еще такой нарядный,
Хотя и белый, словно мел.

Живому – целая наука,
А для тебя – раз плюнуть лечь
Спокойно, не издав ни звука,
На блюдо, в доменную печь.

На полчаса у крышки гроба
Случится траурный экстаз:
Исчезнут в людях гнев и злоба
И слезы выльются из глаз.

Не будут радовать привычно
Ни солнца блеск, ни неба синь;
Затем священник, как обычно,
Промолвит горькое «аминь»,

И все отправятся на ужин
В просторный и печальный зал...
Так получается, что нужен
Ты после смерти только стал.

Ведь смерть – достойная награда
Тому лишь, кто умеет жить:
Людей ценить при жизни надо,
Живыми надо дорожить.

2000 г.

Закономерность наших чувств

Рожденный плавать вряд ли б смог летать,
Рожденный спать не любит просыпаться.
Ты рождена, чтоб о любви мечтать,
А я рожден, чтоб ею упиваться...

Рожденный квакать не умеет петь,
Мычать рожденный не умеет лаять.
Ты рождена, чтоб от любви растаять,
А я рожден, чтоб от нее сгореть...

Рожденный есть едва ль захочет пить,
Рожденный лгать не сможет измениться.
Ты рождена, чтобы в себя влюбить,
А я рожден, чтобы в тебя влюбиться...

1995 г.

Из глубины души

Предавшись размышленьям на досуге
И будучи для творчества готов,
Я посвятил любимейшей подруге
Невинное сплетенье милых слов.

Я не виню себя за эти чувства,
Пусть не хочу опять влюбленным быть,
Но без любви в душе моей так пусто,
И мне порой так хочется любить.

Когда б я знал, что за душой сокрыто
И чем рожден твой устремленный взгляд?!
Моя любовь судьбою так избита,
Что жжет меня и ранит, словно яд.

Давно меня покинуло лишение,
И пусть мне даже нету двадцати,
Я лишь тогда найду успокоенье,
Когда в тебе любовь смогу найти...

1994 г.

Когда мы любим...

Когда мы любим, мы поем,
Мы счастливы, как дети;
Что есть прекраснее на свете,
Чем быть с любимою вдвоем!

И, поднимая всякий раз
Глаза к тому, кто свыше,
Мы и умом, и сердцем слышим
Его густой, приятный бас.

Я день и ночь сказать молю,
Зачем мне наказание,
И Бог, прервав свое лобзанье,
Вещает вниз: "Я так люблю..."

1996 г.

Когда уходит любовь

С гитарой шестиструнную
Я толковал о времечке,
Когда мы ночью лунною
Сидели на скамеечке.

И звезды были мрачными,
И чувства неизбежными,
И все слова удачными,
И поцелуи нежными.

Но думать мне не нравится
Над жизнью быстротечною,
И, как всегда случается,
Любовь была не вечною:

Она взлетела соколом
Туда, где сердце кружится,
И, примостившись около,
Вдруг растворилась в лужице.

Ведомые эпохами,
Ведомые желаньями,
И на скамейке вздохами,
И при луне гуляньями,

Из-за мечтаний губящих
Страдания эти тянутся,
Пока два сердца любящих
Друг с другом не расстанутся.

Умчатся чувства быстрые –
Вернется вдохновение:
Уму – свободомыслие,
Душе – успокоение.

1996 г.

Комплимент

Не будучи на комплименты скуп,
Я заявляю откровенно:
Прикосновение незабвенно
Ее больших... и малых губ.

2000 г.

Край

Я знаю край, где с берега́
Не видно, право, ни фига...

2000 г.

Лекарство

Если ты грустишь, приятель,
То лекарство от тоски,
Это, сидя на кровати,
Дегустировать носки.

1993 г.

Луч солнца

*вольная интерпретация немецкой песни
"Ich schenk dir einen Sonnenstrahl" (Detlev Jöcker)*

Тебе дарю я солнца луч
И неба синеву,
И от нирваны длинный ключ,
И вкусную траву.

Я солнца луч тебе дарю
И вкусную траву,
Я каждый день ее курю,
Во сне и наяву.

Пусть солнца луч горит в окне;
Я вижу по губам,
Что ты травы подаришь мне,
Хотя бы килограмм.

2002 г.

Лучшая

*Я приму любую претензию
(В том числе, что эпиграф не нужен),
Но прости меня за поэзию
(В прозе вышло гораздо хуже...)*

Самое время повеситься
Или сделать себе харакири:
Мы знакомы едва два месяца
И она уже лучшая в мире.
Покой навсегда нарушен,
Силы верить – иссякли;
Я стою под холодным душем
И смотрю, как мелкие капли,
Прозрачным ручьем сбегая,
Не могут остановиться...

Без тебя, моя дорогая,
Сердце вряд ли захочет биться;
Не заставить лицо смеяться,
Не заставить глаза светиться,
Не придется рту улыбаться,
Не придется губам шевелиться...
На подушку тени ложатся,
Но о них мне думать негоже;
Не обнять тебя, не прижаться
К самой нежной, бархатной коже.
Не услышать волшебный голос,
Что растает в сладкой истоме,
Не расправить роскошный волос...
Никого мне не надо, кроме
Той, что вновь пробудила чувства,
Что любовь мне открыла, верно;
Без тебя на душе так пусто...
Без тебя на душе так скверно...
Жизнь отныне подобна муке,
В голове – бездонная сырость;
Я пытаюсь взять себя в руки,
Да они давно опустились...

В общем, как было сказано выше
(Если ты ненароком уснула),
У меня уже съехала крыша
И меня за собой потянула.
Нами движет безумная гордость,
Утопая в восторге азартном:
Прямо в Нижегородскую область
Нас несет на вагоне плацкартном.
Наши помыслы жуть как пылки,
А багаж до того пикантный:
С минеральной водой бутылки
И веер – такой элегантный...
Цвета черного наше платье,
Цвета белого наши туфли;
Мы сидим на жесткой кровати,
От жары мы совсем опухли;
Но, сжимая покрепче зубы,
Мы несемся к заветной цели:
Чтобы видеть знойные губы,
Чтобы чувствовать их в постели.
Твоего не понять секрета;
Здесь одно лишь предельно ясно:
Ты красива, когда одета!
(И, раздета когда, прекрасна!)
Не считай, что я озабочен
(Оговорку сделаем сразу);
Без тебя просто плохо очень:
Я ведь так не любил ни разу...

Подгоняет времени лопасть,
Мы почти на самой вершине,
Только поезд падает в пропасть –
Дальше рельсы не положили...
Я лечу, как с подъемного крана,
Как споткнувшись на динамите,
Как «Титаник» на дно океана,
Как лунатик обычно с дивана,
Как рубли из худого кармана,
Как тапочек в таракана,
Как в траву кожура от банана,
Как японец в жерло вулкана.

Как с горы альпинист... (извините...)

Мне дальнейший исход не важен,
Мне не жаль ни один свой орган;
Труп пусть будет обезображен
И сей час на куски разодран.
После миксером взбит погуще,
Выскоблен до носоглотки,
Через мясорубку пропущен
И обжарен на сковородке...

Ни конца не видно, ни края
Сей фантазии извращенной...

От небесной любви сгорая,
Безнаказанностью не смущенный,
Я пишу финальные строки
И при этом смотрю на глобус;
Истекут последние сроки,
Нас посадят в микроавтобус...

Жаль, что быть не может иначе...
Но не сделаем горькой разлуку!
Я люблю! Потому не плачу;
Я всегда держу твою руку,
Наслаждаюсь волшебным взглядом –
Только им я способен греться;
Ты вокруг, ты внутри, ты рядом,
Ты в душе, в голове и в сердце!
Ты повсюду со мною будешь!
Я живу и дышу в надежде,
Что и ты меня не забудешь,
Что когда-нибудь ты, как прежде,
Нежно-нежно ко мне прижмешься,
Страстью полная неутомимой,
Что моей ты век остаешься –
Самой преданной и любимой!

З.Б.

Лишь в тебе настоящая истина,

Ведь дождливым субботним вечером
Что написано – то написано;
Но терять мне больше, чем нечего...

2001 г.

Маяковский

Завели в зоопарке белку,
Ведь что может быть восхитительней,
Чем грызть с потолка побелку
И плевать ей в посетителей.

2003 г.

Моей подруге

Я не устану говорить
И жарким летом, и в ненастье:
Ах, Боже мой, какое счастье
Твой взгляд загадочный ловить!

Лишь ты вольна соединять
Так много тайн в своей улыбке...
Твой стан, изнеженный и гибкий,
Ах, как хотел бы я обнять!

Я не поникну головой,
Ведь мой удел – удел поэта;
А за окном гуляет лето,
И день рожденья близок твой.

Придумать новый вариант
Моя душа невольно просит –
Уж третий год тебя возносит
Мой поэтический талант.

Таких прелестниц больше нет,
И нет подруги веселее!
Лишь об одном я сожалею:
Что я, увы, не твой сосед.

Уже сегодня мирно пьет
Тот, кто с тобою смог расстаться,
Тебе, мой друг, пока семнадцать,
Но что же будет через год?..

1995 г.

Моя Любовь

Что мне Любовь? Я без Любви,
Как Человек без Кислорода,
Сама Волшебница Природа
Зажгла Огонь в моей Крови.

Холодных Глаз твоих Вода
В Пар Наслажденья превратилась,
Со Скал Раздумья ты спустилась,
Чтоб жить в Садах Любви всегда.

И Хвост Верности добыв,
Построив Замок Постоянства,
Преодолеем мы Пространство,
В Долину Счастья уплыв.

1995 г.

Напутствие

Всегда иди дорогой главной,
Богата будь духовной силой,
Расти и впредь такой же славной,
Расти и впредь такой же милой.

2000 г.

Неразделенная любовь

Ужели в том моя вина,
Что нам приходится расстаться,
Что боле нам не целоваться, –
В том виновата ты одна.

Я жил во власти пустяка,
Моя любовь была как вечность,
Но верх взяла твоя беспечность,
И вот ты снова далека...

А я один остался; вновь
Меня постигла неудача,
И умирает, горько плача,
Неразделенная любовь...

1995 г.

Никчемный взгляд

Мне надоел никчемный взгляд,
Что из очей твоих струится...
Я ничего не смог добиться
И, если честно, даже рад.

Забудь поток "ненужных фраз",
Что говорил тебе порою;
Иллюзий больше я не строю –
Ошибся я в который раз.

Я был, как истинный глупец,
В тебя влюблен чуть больше года –
Твоя убогая порода
Ясна мне стала, наконец.

Разбив прекрасные мечты,
Ты так горда, но так ничтожна,
И все твои улыбки ложны,
И все слова твои пусты.

А вот и вывод основной:
Ты получила, что хотела, –
Навеки чувство улетело,
А вместе с ним – и образ твой.

1996 г.

Образ

Признаться, я сам удивляюсь,
Как быстро, наивно подчас,
Я, словно безумец, влюбляюсь,
Причём обязательно в Вас!

1995 г.

Особа

Приютили мы как-то особу,
Что манерам любым супротив
Извергает вселенскую злобу,
Источает сплошной негатив.

Наготове агрессии шило...
Только я понять не могу,
Почему она вдруг решила,
Что весь мир перед ней в долгу?

Если ум не терпит изъяна,
А в душе постоянный мрак
И на сердце зияет рана,
Каждый встречный - заклятый враг?

Если глухо на личном фронте
И никто не спешит приласкать,
То причину в собственном понте,
Может, стоит теперь поискать?

Может, хватит напрасно сватать
Несбыточную мечту?
Может, пальцы поглубже спрятать?
(Не сверкали чтоб за версту.)

Ни к чему над собой стебаться -
Ты совсем не из высших сфер.
Лучше вспомни, как улыбаться,
Как здороваться, например.

Будет трудно, порой неохота
И похоже на жесткий режим.
Излучать позитивное что-то -
Это минимум. Он достижим.

2008 г.

Отмщенная любовь

Я полюбил тебя, мой друг,
Под властью трепетного пыла,
И избежать душевных мук
Не суждено тогда мне было.

Я образумился, и вот,
Твою холодность наблюдая,
Моя душа смиренно ждет,
Но кровь во мне бурлит младая.

Я жажду мести утолю,
Когда во прах себя изрубишь;
Не виноват я, что люблю, –
Ты виновата, что не любишь.

1995 г.

Отчаяние

Отчаяния движет мной порок,
Опять гнетет искусственное бремя,
Но, как всегда, неумолимо время,
И я влачу отпущенный мне срок.

Зажжен костер мятущимся словам:
Жизнь без тебя – бескрайнее мученье;
Пусть обстоятельств горькое стечение
Разбило наше сердце пополам,

К тебе одной взываю страстно вновь,
К тебе одной души несчастной ропот:
Мне так суров любви последней опыт,
Но так мила последняя любовь...

И на бумагу падает слеза –
Нас разлучили дерзкие события,
Но, ангел мой, едва ль смогу забыть я
Те добрые, волшебные глаза...

Отчаяния движет мной порок,
Но в искренней, трепещущей надежде
Любви огонь прошепчет, как и прежде:
Ах, если б рядом быть с тобою мог...

P.S.

Об остальных Юнонах и Минервах
Я как-нибудь потом оформлю стих,
Ведь лишь с тобой мне хорошо, во-первых,
И без тебя мне плохо, во-вторых.

P.P.S.

Биенье трепетного сердца
Едва удерживает грудь:
В твоих объятьях как согреться
И как любовь твою вернуть?

Никак ты, право, не поймешь,
Твердит буквально каждый,

Что дважды в реку не войдешь,
В которой был однажды.

Не в первый, не в последний раз
Душа той фразой мучится,
Но, может, милая, у нас
Все заново получится?

2000 г.

Очарованный странник

Давным-давно, в златые годы,
В надежде славы и свободы
Я, положив на сердце руку,
Презрел старинных комнат скуку
И, кинув память в узелок,
Оставил тихий уголок.

Преодолел я лес и горы,
Но вот песочные просторы
Открылись взору моему,
Пока еще ни одному
Не удалось прожить в пустыне,
Но я живу там и поныне
И очень скоро кану в Лету,
Не дописав поэму эту...

1995 г.

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

[ИНГЕБОРГ БАХМАН / INGEBORG BACHMANN](#)

(1926-1973, австрийская писательница)

[ГОТФРИД БЕНН / GOTTFRIED BENN](#)

(1886-1956, немецкий эссеист, новеллист и поэт-экспрессионист)

[ВОЛЬФГАНГ ВЕЙРАУХ / WOLFGANG WEYRAUCH](#)

(1904-1980, немецкий писатель)

[ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ / JOHANN WOLFGANG VON GOETHE](#)

(1749-1832, немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель)

[ГЕНРИХ ЗАЙДЕЛЬ / HEINRICH SEIDEL](#)

(1842-1906, немецкий поэт, гравёр по меди, по профессии инженер)

[КАРЛ КРОЛОВ / KARL KROLOW](#)

(1919-1999, немецкий поэт и писатель)

[КАРЛ МИКЕЛЬ / KARL MICKEL](#)

(1935-2000, немецкий писатель)

[ФРАНК ШЁНЕ / FRANK SCHÖNE](#)

(1953, немецкий писатель)

[АДОЛЬФ ЭНДЛЕР / ADOLF ENDLER](#)

(1930-2009, немецкий писатель)

Гарлем

Теряют облака свою упругость,
Струится дождь, задорно хохоча,
Танцует дождь по лестницам пожарным,
Забавную мелодию бренча.

И черный город светлыми глазами
Свирепо крутит, в небо уходя.
И ритм дождя скрывается в молчанье,
И уж не слышен блюз дождя.

Много лет спустя

Под солнцем время не устанет греться.
Агава на скале полна красоты,
И, ветром наполняясь, дышит сердце,
Считая уходящие часы.

В тени Азор найдешь себе усладу,
Дрожащей грудью пробуждая тишь.
Верна ли смерть таинственному взгляду,
Сиянием его ли ослепишь.

Изнежит ли моря слепая слава
Да отразит ли на ладони кровь,
И много лет спустя цветет агавы,
От упоения сокрывшись вновь.

Останься

Не долго длилось счастье,
Игре пришел конец.
Рассыпался на части
Твой карточный дворец.

Рисунком веет с карты,
Которая права.
Ведь целый мир создал ты,

К чему теперь слова?..

Знаток случайных партий,
Ты будешь знаменит!
Останься верен карте,
Что выигрыш сулит.

Целый мир

Мы в сад садов проникли слишком поздно
В том сладком сне, что видели вдвоем.
Мне снег сулят оливковые гроздья,
Мне дождь и лед обещан миндалем.

Сгребая листья быстрыми руками,
Ужели будешь пальмою прощен,
Как уследит во мгле за лепестками,
Кто в одеянья ветра облачен?

Задумайся: раскрылся веер пышно,
Что я несла, дождя сметая власть.
Но ты его захлопнул. Время вышло,
Лишь с птицами я к небу поднялась.

Акрагас

Чистой водою окропившись,
В полдень, ослепленный блеском дивным,
Обозрит река свои глубины,
Напоследок с дюнами простившись,
Чистой водою окропившись.

Эвкалиптов беспокойный ветер
Листья очарованно закружит,
Томных звуков песнь с рекой подружит.
Искрами диковинными светел
Эвкалиптов беспокойный ветер.

Солнцем и пожаром освятившись,

Дверь морского храма отворится,
И река истоком насладится,
Чистой водою окропившись,
Каменным пожаром освятившись.

Холм осколков

Сады овены стужей –
В огромных печах хлеб сожгут –
Венком урожайной легенды
В руке раскаленный трут.

Молчи! Сокрой свою бедность,
Словами, слезами залит
В подножье холма осколков.
Что складки всегда кривит.

Треснут кувшины на части,
Кто же слезы в кувшин прольет?
Щели огнем наполняет,
Пламени ныне черед.

Лишь пар подвластен творенью,
Огонь и воду любя.
Слова, облака! так доверьте
Груде осколков себя!

Мертвый порт

Звездам лишь на мачтах реют флаги,
Что размыла грязная вода,
И луна зеленым очертаньем
Спит во тьме «вороньего гнезда».

Водный мир из времени открытий!
Волнами вздымаясь и смеясь,
Небо каплет светом из сплетений
Новых улиц, в воздух растворясь.

Пьет вода библейские страницы,
Стрелка компаса укажет ночь.
Злато снов умоется свободой,
Морю же тоску не превозмочь.

Будет каждый, каждая в смятенье!
И матросских баек канитель
Кончится, когда «первопроходцы»
Упадут на неживую мель.

Апулия

Под маслинами сегодня семена рассыплет свет,
Мак является, мерцает,
Ловит нефть, дотла сжигает,
И отныне вечен свет.

Барабан в градах-пещерах уж не переводит дух,
Белый хлеб да черны губы,
И в кормушках дети любви
Для голодной стаи мух.

В троглодитов день скорее блеск с полей прийти б сумел,
Мак бы светом озарился,
Сонной болью насладился
И отныне не горел.

Над страной с водою шланги протянул бы глупый зверь,
Провода б стянули вены,
В жемчуга оделись стены –
Залилась нарядом дверь.

И детей своих беспечных усмирят мадонны вновь,
Мимо – буйвол с рогом дивным.
Станет дар яйцом змеиным,
Рыбой да ягненка в кровь.

В порошок стирают фрукты, и кувшины все горят.
Нефть открытый взор туманит,

Упоенный мак завянет,
Он тарантулами смят.

Дорога домой

Заколдован клевер,
Первоцвет в ночи,
Промочи мне ноги,
Путь мой облегчи.

И вампир – я слышу –
Дышит за спиной,
Робким детским шагом
Следует за мной.

Много ли осталось
До конца пройти?
И в мое спасенье
Верится почти.

На скале толпятся
Древние цветы,
Вдруг шепнул источник
Голосом густым:

«Чтобы не бояться
Потерять свой путь,
Внемли звукам леса,
Им сестрою будь!

Смертью чистой плоти
Не познав любовь,
Скорбным ароматом
Наслаждайся вновь».

Злым крылом недуга
Сокрушая мир,
Властно совершает
Свой полет вампир,

Поднимает главы,
Друг он или враг,
И Сатурн на землю
Посылает знак.

Будет ли он пойман
Сердцем на краю,
Пред зеленой дверью
С трепетом стою.

Кровью лес блистает,
Нет дороги прочь.
Опусти мне веки,
Дорогая ночь.

2000 г.

Поля неблаженных

Мой ум наполнился тоской,
Я навсегда утратил веру...
Вот бы стать бухтою морской –
Красивой гаванью, к примеру.

Пускай хоть кто-нибудь живой
Подарит новое сознание,
Источник с чистой водой
Да охладит мое дыхание.

Как будто, в непонятном сне,
В большой и трепетной надежде
Желание жить спешит ко мне –
И я уже не тот, что прежде.

Иней

Будто бы туманной пылью,
Белым шелком разодев
Полуночную мантилью
Сладко дремлющих дерев,

Засиял с небес упавший
Мягким облаком седым,
Погружая мир уставший
В темноты прекрасной дым.

Песнопения

1.
Кто наши предки – сложная загадка...
Согреет ли их сердце благодать?
Рождаться, жить и умирать – как сладко!
Как горько безысходность осознать...

То дюн гряда холмистым очертаньем,
То водоросли пряная лоза,

То вдалеке, плененные страданьем,
Летает чайка, реет стрекоза...

2.
Презрения влюбленные достойны!
К чему сомнения, отчаяния вздох?
Мы, Боги бедные, лишь потому спокойны,
Что нас не оставляет Главный Бог.

Царит покой волшебной атмосферы,
Увешан звездами вечерний небосвод,
Скользят в лесах бесшумные пантеры
И море одинокое зовет...

Избавление

Всё в той же позе возлегает,
Дрожь на лице,
И тело тает
В стальном кольце.

Прекрасный нимб над ней, и сразу
Зовет она:
Себя залью твоим экстазом
Насквозь, до дна.

Летит эфирною волною
Из пустоты:
Потоп хоть после нас – со мною
Лишь ты, лишь ты.

Предметы падают, боятся
Стоять на пламенном краю,
Изнемогают и томятся,
Погибель чувствуя свою.

На закате

На закате мирозданья
К тем, чьи ночи сочтены,
Беспристрастных глаз сиянья
Станут вдруг устремлены.

Сами приняли занозы
Жалкой участи своей;
Вижу раны, вижу розы
На закате летних дней.

Брошены и долгожданны,
Скрыты и обнажены,
Вижу розы, вижу раны
Под покровом тишины.

Однажды ночью

Однажды ночью, в дождь и грязь,
Устав идти в тумане беспросветном,
В краю безвестном находясь,
Таким чужом и неприметном,

Познал я все безумие страстей:
И как желанье крест несет покою,
И как ласкает Бог своих детей,
Как движет он могучею рукою,

Тебя спасти от суеты пытаюсь,
Забыв, как множество подобных молит
О том, что Он, в своих ошибках каясь,
Дела им до конца вершить позволит.

Вокруг меня по-прежнему туман,
Когда же ты уйдешь, скажи на милость?
И вера, и надежда – всё обман!
О Всемогущие! Лишь дождь и сырость!

Могилы

Он зло творил бессонными ночами –
Как вспоминал забытую любовь, –
Ломая кости, лязгая зубами,
Сдирая кожу и пуская кровь.

Под звук эгейских флейт не гибнут люди.
О, сколько плоть в себе таит врагов!
Шумят моря, и кровоточат груди
От знойных, летних, дивных берегов.

Синтез

Свою судьбу опять прощаю
В молчанье скорбном и глухом,
И одиноким маяком
Ночь сам себе я освещаю.

Когда проходят через ад,
Обычно радуются жизни,
Но все, чему я ныне рад,
Сокрыто в сладком онанизме.

Я правил миром по ночам,
Презрев свое изнеможенье,
И, наконец-то, замолчал,
Признав от смерти поражение...

С утра до ночи

С утра до нóчи
И без конца
Все кровоточит
Рана творца.

Меняя землю,
И мед густой,
Родному внемля,
Течет домой.

Подобно мифу,
Средь бела дня:
Хомут он дал скифу,
А гунну коня.

Здесь он не был? –
Наоборот!
Несите небо
Всегда вперед.

Опять до нóчи,
Под свет его,
Он кровотоцит,
И ничего...

Поля не дышат,
Пастух, смелей,
Ты знаки свьше
До дна испей,

Лица не видно
Ни одного:
Верность – не стыдно,
И ничего...

Империй верность
Над всем стоит,
Знаков нетленность
Легко журчит.

Круженья радость
Под свет его,
Молчанья сладость,
И ничего.

Кто одинок

Кто одинок, окутан темной тайной,
Беспрестанно движет через дни,

Счастлив близостью случайной,
И жара бесчинствует в тени.

Каждый плод его особен,
Разумом исполнено дитя,
Все, что в сердце, он способен
В прах низвергнуть весело, шутя.

Он на землю смотрит, не тревожась,
Как ее мученья начались;
Не Умри и не Продолжись –
Молча в совершенство обратись.

Чаши

Цветочных чаш, признаться,
Туманно существо,
Где – сложно разобраться! –
Загадочней всего.

Склонив немые главы
В объятьях тишины,
Невиданные травы
Беспечности полны.

Под синью небосклона
Сиять они могли,
Но угасают в лоно
Кормилицы земли.

Сокройся

Сокройся в невесомом, тяжком гриме,
Прищурься, будто плохо видишь ты,
Пусть лицо, подобно пантомиме,
Не выдаст сокровенные черты.

В прощальном свете сумрачного сада

Обломков неба догорит костер, –
Сокройся, пусть в слезах тебе отрада,
Ступи в необозримый коридор.

Превратности судьбы, предел терпенья,
Пороки, что отчаянье несли, –
Сокрой же их – пусть льются песнопенья
Из утлого суденышка вдали.

У порога

Ты решался, стоя у порога,
Как через порог перешагнуть...
Не сюда вела тебя дорога –
Начинался твой отсюда путь.

Страннику всегда питье готово,
Но бокал с приветливой руки
Лишь протянут, как закрыты снова
Двери на скрипучие замки.

Скорбь

Не только в рощах тени бродят скучно,
Где асфодел блистает красота,
Они средь нас, лишь с теми неразлучны,
Кем безраздельно властвует мечта.

Что наша плоть – шипов и роз сплетенья,
Что грудь – морщин и бархата узор,
Что волосы, подмышек углубленья,
Так горячо воспаменяют взор.

Твоя любовь ушла избитой кромкой,
Ты получил прощания урок,
Ведь каждой клятвы, тихой или громкой,
Как ни печально, истекает срок.

А вслед ноябрь в неодолимой скорби,

Могиле предпочтешь ли ты костыль? –
Лишь кипарис проклятием не сгорблен,
Недвижный стан одела грусти пыль.

Стихотворение

Бесстрастны, пламенны, игривы,
Что власть имеют над тобой –
Откуда дерзкие порывы
В душе печальной и немой?

Со всех сторон людские цепи
К тебе сквозь время призрак вел;
Зола и пламя, прах и пепел –
Пожалуй, все, что ты обрел.

Познание истины бескрайне –
Зачем бросаться в этот смрад...
Но ты спокоен, пусть и втайне
Еще сомнением объят.

Вот так – с утра и до рассвета –
Существование твое
Напрасно силится, а это
И есть, представьте, бытие...

Явись

Явись для разговора –
Не мертв, кто говорит,
Уж пламенем раздора
Тоска внутри горит.

Явись, уйми страданье,
Яви свой гордый вид –
Томится в ожиданье,
Не мертв, кто говорит.

Один в своей пустыне,
Не видимый для глаз,
Грустишь, как на чужбине,
Без женщин и без фраз.

Но к бегству все готово,
И путь тебе открыт:
Явись, скажи хоть слово –
Не мертв, кто говорит.

Шуман

Искусству ты был неизбежен,
И тем его прелесть сильнее;
Мотив так пленительно нежен
“Мечты” в фа-мажоре твоей.

Утром они исчезают
Подальше от суеты,
Ночью же сердце пронзают
Вещим оружием мечты.

Что вернее: терпеть мучения
Или в слезах счастья тонуть?
Или встать на путь всепрощения,
Всезабвения выбрать путь?

И ныне трепетно дышим,
Смолкает наш разговор,
Когда по радио слышим
“Грезы” твоей фа-мажор.

Брег

Тебя швыряет пыльная вода
Под свод Судьбы безвольной птицей;
Грехи не смогут искупиться
Через ничего, через никогда.

Горит огонь в проливе Каттегат,
И ужасающий крах традиций местных
Качанье бакенов на фоне ватт,
Однообразие исходов пресных.

Их диалектики так сладок звук,
Он криком чаек собран и рассеян –
Единый тон, астральный монозвук,
Что не исчез и навсегда потерян.

Вечерних башен пенно существо,
Скалистый склон, окутанный печалью,
Глухой пожар с пустою далью
Из никогда, из ничего.

2000 г.

Люди, будьте за преобразования

Преобразования

Преобразование преобразований

Преобразование преобразующихся

Преобразование преобразовавшихся

Преобразование всех и вся

Преобразование с самого начала

Преобразование до самого конца

Преобразование ребенка отцом

Преобразование отца ребенком

Преобразование соседа соседом

Преобразование незнакомца

Незнакомцем

Преобразование шефа подчиненным

Преобразование продавца покупателем

Преобразование машины продавцом машин

Преобразование архитектора

будущим квартирантом

Преобразование предыдущего квартиранта

будущим квартирантом

Преобразование улиц жителями

Преобразование жителей улицами

Преобразование города отдельным

Жителем

Преобразование бургомистра

Самым бедным жителем

Преобразование начальника полиции

Самим собой

Преобразование директора тюрьмы

Заключенным

Преобразование ответственного за школу

Школьной книгой для чтения

Преобразование книги в предложениях в стены

Преобразование предложений, которые никто не понимает, в

Предложение, которые все понимают

Преобразование предложений, которые все понимают, в

Предложение, которые изменяют понимание

Преобразование нового понимания в

Сообщения для всех

Преобразование сообщений в песнопения

Преобразование песнопений в одно единственное
Песнопение
Преобразование песнопения в скалу
Преобразование скалы в бесконечно много камней
Преобразование мертвых камней в живые
Метательные снаряды
Преобразование старых камней города
Новыми камнями
Преобразование имеющегося
Неимеющимся
Преобразование не имеющегося
Пока неимеющимся
Преобразование чудовищного ничто в
Крохотное что-то
Преобразование крохотного что-то в
Идею
Преобразование идеи в мысль
Преобразование мысли в вопрос
Преобразование вопроса в отрицание
Преобразование «нет» в «да», которое в себе
сомневается
Преобразование одинокого сомнения во
Всеобщее сомнение
Преобразование всеобщего сомнения во
Всеобщую полемику
Преобразование этой полемики в
Решение
Преобразование решения в его отмену
Преобразование, которое преобразовывается
Преобразование этих 48 преобразований

2000 г.

Ранняя весна

Блаженства мне так не хватает подчас...
О дни наслажденья! мечтая о вас,
Я знаю, что бог сотворит чудеса:
Подарит мне солнце, холмы и леса!

Ручьи побегут, запестреют поляны,
Рассеется мгла, растворятся туманы,
На небо любуюсь, иду налегке,
Вот рыбки золотые резвятся в реке,

Из рои доносится чудное пенье,
Сверкает невиданных птиц оперенье,
И пчелы, повсюду летая, жужжат –
Какое блаженство! Какой аромат!

Вот ветер подул и в кустах затерялся...
Он к нам не однажды еще возвращался.

О Муза! позволь же к тебе обратиться:
Хотел бы я знать, что со мною случится...
Так жаждет услышать твой мудрый ответ
Навеки в природу влюбленный поэт!

1994 г.

Весна

Таинственный шелест, таинственный всплеск...
Откуда столь яркий, столь солнечный блеск?
Ручей провещал мне: "От долгого сна
Весна пробудилась! Проснулась весна!"

Но что за цветение воздух пьянит?
Так радостно ветер о чем говорит?
Шепнула мне роща: "Ведь это она!
Весна наступает! Приходит весна!"

Так что же за флейта звучит все сильнее?
И трелью в ответ залился соловей:
"Ликует природа, весною полна!"
Теперь-то я понял, что значит весна.

1999 г.

Германии

Где ты теперь? Меня бросает в дрожь
От взгляда на ничтожные руины.
Пугаешь, будто в прошлое зовешь;
Ты – пленница своей же паутины.

Ты – жертва злого рока и войны,
Твои глаза – измучены, несчастны, –
Они опять ко мне устремлены
Букетом звезд, что ночью так прекрасны.

Средь мертвых, будто старая зола;
Подобно пыли, к небу все быстрее;
Ты сорною травой поросла –
Земля смирилась с гибелью своей.

Ты жгла и убивала без труда –
Теперь не убежать от эвменид,
И ты летишь осколками туда,
Где грозное течение бурлит.

Тебя здесь нет – лишь бесконечный дождь
В твой саркофаг молчание нальет.
Так призрачно к судьбе своей идешь,
И тень твоя уснуть мне не дает.

Еще недавно – целые дома,
Еще недавно – жизни благодать...
О, Боже мой! ведь ты сошла с ума!
Тебя в лохмотьях как же не узнать!

Ты сломлена, повергнута во прах,
Ничтожество, лишённое огня,
Забывшая мечта и детский страх,
Убежище мое! Прими меня!

Земля перед судом

Клеймо надежды стерлось, не сбылось...

Могильные кресты растут взамен,
И сорняки едят меня насквозь,
Высасывая кровь из черных вен.

Застыло солнце в городах моих,
Подобно язве в сети пауков.
В навозных кучах шорох не утих
Голодных крыс, пугающих жуков.

Земля моя за пеленою слез,
Осадок горечи в ее глазах;
Лишь для того Он к небесам вознес,
Чтоб снова бросить в молчаливый прах.

Прощанья стонами исполнен лес
Уставших духов, намертво сраженных;
Деревья тлеют – в них вселился бес;
Порхают птицы, звуками сожженных

Хрипящих горл, подобно флюгерам,
Убежище пытаются найти:
Летят наверх, к отравленным мирам, –
Меня же от проклятья не спасти.

Земля моя перед судом стоит,
Но я другим единственный судья.
Пока нарыв несросшийся болит,
В последний путь свой отправляюсь я.

Туда, где ничего не искуплю,
Туда, где тянет вверх Господний трос,
Туда, где муки вечные терплю, –
Земля гробов за пеленою слез.

Покинутый берег

*Куда ни глянь,
Повсюду кораблекрушения.*

Гай Петроний Арбитр

Звонкий смех на слабых лапах,
Парусников суета –
Все исчезнет, словно запах
Неприятный изо рта,

Словно тень, что известь гложет
На разрушенной стене.
Лишь печаль никто не сможет
Погасить; она во мне

Ароматом необычным
И сырым, как птиц помет,
Жарким сыновьям кирпичным
Смерть мгновенную несет.

Моряки не ради шутки
В картах ищут свой удел.
Табаксм смолят их трубки
Прямо внутрь бездомных тел.

Их кинжалы зазубрились
Ветром вечности давно.
Ночь, в которую молились,
Не спасла их все равно.

ОХ

Когда в итоге забвенье
В сырой земле приходит,
Души твоей спасенье –
ОХ изо рта исходит.

Затем неутолимый голод
Тобой заговорит,
Но на лице только холод,
Словно ты стал побрит.

Уж не голосит народ,

Мука твоя не меньше;
Что устремляет вперед,
Ничто для подобных женщин.

И ОХ, так сердце согревший,
Знак жизни сверкнет в небесах –
Как обычно, зрачок онемевший.
Запуталась смерть в волосах.

К миру

Стефану Хермлину

В моей руке, уставшей и немой,
Укройся, как испуганная птица,
Пока лемуры бродят над землей,
Пока теснятся на домах-гробницах

И в опустевших городах плетут
Чертополоха яростные сети.
Как сможешь ты себе найти приют,
Где крик ворон приносит мертвых ветер?

Но если счастье не пришло ко мне,
Зачем стоять и плакать на удачу
О том, что видел только лишь во сне, –
И я грущу, и вновь от скорби плачу

Слепыми крылам, ведущим прямо в ад,
Над катафалком, что свершает казнь.
Кто в этих причитаньях виноват?
Кого дурачит ушлая боязнь?

Его насмешку скроет черный дым,
Что диким псам убежище несет,
Где, будучи вчера совсем седым,
Зеленый стебель радостно цветет.
Ты хохотал, и век мой догорел,
И в жилах кровь застыла навсегда,

За крысой вслед на рынок мертвых тел,
Где черепов облезлых череда.

Ты дух теней, что в пропасти летают,
Ты утешенье, ангел, верный путь,
Ведь пред тобой колени преклоняют
И молят: ЧЕЛОВЕКА не забудь!

Одиночка, удаляющийся и возвращающийся

Удаляется: одиночка,
Противореча судьбе.
Пока не вернется, уж точно
Не скажет правды тебе.

Покуда вся логика в мире
Не выплывет прямиком,
Наркотики не окрутят
И не падешь ничком.

К тебе ведет его путь,
Словно жизнь подходит к концу:
Ногу поставит на грудь,
Ладонью даст по лицу.

Случалось

Случалось, что ты говорила во сне.
Ночь благоухала. За окном дождь поливал.
Я слушал тебя и твой покой охранял.
Родное лицо было так близко ко мне.

Ребенок воздушного змея умело
Пустил к небесам, осень ветер несла.
Я все видел: ты этим ребенком была,
Небес вышину показать мне хотела.

Твердила в подушку о жизни как будто.

Ночной аромат. Эфиром струилось вино,
Вино из времен, где мы были одно.
Я слышу слова. Мне будет без них неуютно.

Музыка

Музыка: это бзик
Оттуда, понятно?
А ты все бродишь вблизи.
Занятно.

Музыку не оставлю
Без огня
И на карту поставлю,
Что "все" для меня.

Как потоком накрыв,
Этот саунд швырнет,
Ибо только порыв
Твой в прах разорвет

Девочку, просто, вдруг.
Музыка, это бзик
Оттуда, смертельный трюк.
И ты все бродишь вблизи.

Язык и земля иные

Язык и земля иные
Пугают не в первый раз,
Но речи твои родные,
Как узы, связали нас.

Как истинные таинства,
Они языки роднят,
Что мыслей хотят единства
И в чувствах его хотят.

В словах великая сила,
В звуках скрывается грусть,
Что в месте чужом обронила,
Куда я к тебе примчусь.

Время идет по кругу,
Больше не нужно слов;
В глаза посмотрим друг другу,
Если увидимся вновь,

И, медленно исчезая,
Соединимся прочней.
ОДНОЙ будет вера слепая
В удачу минувших дней.

Рай и ад

Мелом рая беспечность и ада грусть
Начертила ты на дороге.
На крыльях любви за тобой помчусь
В рая сады или ада чертоги.

С каждой минутой одно и то же:
Выше азарт забытой игры.
Ада и рая судьбы похожи –
Изнемогают уж от жары.

Ты шаг за шагом преодолеваешь.
По-прежнему ад и рай далеко.
Я чувствую, как свободно, легко,
Бесшумно из рук моих ты ускользаешь...

Дальний взгляд

Спросят: Что же осталось?
Отвечу: Вернулся домой.
Если что написалось,
Меж пальцев уж растерялось.
Еле остался живой,

Хоть ранен – какая жалость.

Но между светом и тьмой
Все время была со мной
Любовью ты и желаньем.
Все мои начинанья,
Что в итоге осталось,

Давно уж прочь умчалось:
Счастье, дьявола шалость.
Взглядом внимаю дальним
Я своим начинаньям,
Что случилось с моим желаньем.

Кровь в ботинке

Я не сопротивляюсь; вижу вновь
Знакомой паутины белый дым,
Но комната наполнена иным,
Как будто в сказке, и в ботинке кровь.

Вкруг лампы мухи, весело снуя,
Пустились в бесконечный хоровод,
Он шорохом мне в ухо отдает.
Гляжу на них, и кажется, что я

Уж невесом. И вновь
Лишь пыль сокроет странные предметы,
И в воздухе чужие силуэты.
Так что же мы? Зачем в ботинке кровь?

Прощай

Приходишь, как всегда; твоей руки
Прикосновенье нежно и прекрасно.
Ах, как божественно легки
Твои движенья. Жаль, что безучастно

Мне говоришь «Прощай», но от тоски
Ты не умрешь – печаль моя напрасна,
Как в сказке, или, может, вопреки
Любви, которой все подвластно:

И жар, и хладность дорогой;
Увы, не сказочен наш мир с тобой.
Чтоб убедиться, стоит посмотреть:

Разлука всем приносит смерть,
И тихого прощания слова.
Лишь зимний снег да летняя листва.

Рефрен

Твой взгляд, твой смех в душе оставят след;
Люблю тебя – другого счастья нет!

Ты как высокомерия обет
Дала. «Другого счастья нет! –

Обняв меня, ты шепчешь свой секрет. –
Пойми: другого счастья нет!

Тебя люблю уж столько лет...
Моя любовь на все тебе ответ!»

Свет

Зигфриду Унзельду

Километры за километрами,
Очи сомкнув, широко их открыв, –
Мечты покажутся светлыми,
Распустится мир – о чудный порыв!

Свет небесный прольется, искрою
Поднимая тебя в облака

И неся колесницей быстрою
В те пространства, где жизнь так легка,

Где всегда ни зимы, ни лета –
Горизонта лишь полоса,
Где глазам не больно от света,
Что подарят им небеса.

Безвестный

Медленно мозг остывает,
Горечь прощанья – смешно.
Мне больше никто не внимает,
Разлука сомненья стирает,
Что смысла почти лишено,

Как, впрочем, и все остальные...
Урока не извлекло
Воображение больное.
Возможно, ему повезло:

Безвестному, привиденью,
Плоду тоски моей.
Настанет предел терпенью,
И помчится время быстрее.

Безвестный, слепой избранник,
Что затаился и ждет,
Вечного сна посланник
Верную смерть несет.

Он все сомненья стирает,
Горечь в последний раз,
От которой мозг остывает.
Он никому не внимает
И ждет назначенный час.

Песнь

О древе миндальном пелось
В песни с мотивом наивным,
О кустарнике дивном,
Которому жить пригрелось.

Ждать никому не хотелось,
Что ветер дыханьем сильным
Станет, чтоб дымом синим
В миндальный воздух ему летелось.

Тот сад поглотило пламя,
Но вместе услышанный нами
Сомненья был полон сказ

О песни беспечной и бравой,
Звенящей налево, направо,
Утонувшей в огне твоих глаз.

Иногда

Мозг иногда мой ранит,
И над этой бедой скорбя,
Я думаю: хуже станет,
Затем погружаюсь в себя,

В чувство, что вечно мучает,
Места в мозгу не найдет,
Что, в лучшем случае,
Бесполезное, словно кот.
Смотри: шар закручивает
Нежной рукой вперед.

Это в мозгу моем кружит;
Если б наоборот
Что-то осталось... Ведь хуже
Мне станет, боль не пройдет,
И покатится шар вперед.

Растрачен

Чей взор широко открыт,
Скрылся от нас уже,
Сократился его кредит,
Он близок своей душе.

Ее под столом искал,
Но не находит и здесь,
Человек, что устал,
Что был растрачен весь.

Птицею обернуться
И улететь долой –
Ему не помог вернуться
Славный поэт домой.

Терцины о нежности

Все ясно, и ничего нет,
Лаура: земля и небо прочь умчались,
Их блеском сокрыл искусственный свет.

Земля и небо давно прочь умчались.
Но яркою вспышкой из вне
Тысячи солнц появлялись

Яркою вспышкой из вне.
Мы теперь знаем точно,
Что нежность смертна вполне.

Мы теперь знаем точно:
Никто не будет счастливым
В лачуге замерзшей ночью.

Никто не будет счастливым
При входе в подобный мир,
Пропахнув прокисшим пивом

При входе в подобный мир.
Найдем мы уединенье,
Когда ночь озарит эфир,

Найдем мы уединенье:
Боязнь, это только лишь утро –
Что нам несет единенье

С боязнью, и только лишь утро
В глаза летит, как стрела.
Спасать нам некого будто,

Ведь нежность смертной была.

Свет чужих глаз

Свет глаз ее больших принадлежит беспечно
Тому, чей взгляд в нее надолго погрузился.
Свет, что одолжен был, свет, что решился
С другими взорами бродить по свету вечно.

Ей сладко и легко. Но постоянство
Взоров, что над предметами скорбит,
Ту скорбь в других вселяет, и открыт
Уж вход в потусторонние пространства.

Нездешний мир она себе дарила,
Когда ее сияньем озарило
Из глаз чужих, что смотрят лишь вперед.

Открытое пространство без конца,
И только свет открытого лица
Вдруг вспыхнет, не стыдясь, и не умрет.

Смерть от снега

Красотою снега пламенея,
Лихорадка бьет через края,
Нерешительность растет моя,

Снегопад становится роднее.

Проходящий мимо, на мгновенье
Улыбнувшись, скажет мне "привет",
И в душе его оставит след
Нежное земное привиденье.

Полнит снег мое существованье,
Но едва издаст желанье
Радоваться свой последний крик,

Как в ничто спокойно растворится.
Милый дождь кончиной насладится,
Лихорадка вся исчезнет вмиг.

Безмолвно

Прикуриваю сигарету. Пусть не плачет
Мое терпенье. Простыня помята
Следами тел, что унеслись куда-то.
И время, как ни жаль, меня дурачит,

Которое всегда так много значит,
Которому, признаться, верил свято. —
Любовью, словно холодом, объята
Лишь девочка была. Ужель не прячет

Ее глаза отсутствующий взор?
Я стал чужим, но слышу разговор
Нежных рук, замерзнувших кляня

Потерянность, безмолвную любовь.
И в темноте блеск кожи виден вновь,
Что, без сомненья, не забыл меня.

Уста

Рисунок на стене: горят уста

Зловещим обольстительным огнем,
Пылают над кроватью и столом.
Монета неизвестна та,

Что искупить способна след
Любви, чувств нежных отпечаток сей.
Прелестный вид картины всей
Живет лишь светом собственным. Ведь нет

Родного больше здесь. Пусть деве той
Уста принадлежат, что красотой
Своей узор являют на стене.

Ты не проходишь мимо, ты смущен,
Ты заморожен, поглощен,
Рисунок алый мил тебе вдвойне.

Приход и уход

Иль здесь, иль прочь. На день другой Она
Не та, которая сегодня. Он
Такой же. Вряд ли будет изменен
Сей мир, сей день; пускай одна

Близка такая же голубизна
Небес, иль станет обречен
Вновь на дожди их блеск. Тревожит сон
Случайных чувств обитель, и смешна

Чувств суета в приход лишь да уход.
Вид чей-то перемены выдает:
Ссутулившись, исчезнет далеко

Или вернется пламенно согретым
Любимых глаз сакраментальным светом,
С которым распроститься нелегко.

Решиться

Было известно, как
Вольность растил не сон;
Демократии собственный знак
Между Плутархом с Руссо.

Мужеству сил придать,
Коль возможно, скорей:
Редкая благодать
Республике верить своей.

Тот же вольность возьмет,
Кто себе господин, –
Замкнутый человек,
В свободе своей один.

Еще раз

Гнилые двери петлями скребутся,
И шорох ветра кажется сильнее.
Мне хочется еще раз обмануться,
О чем-то безнадежно сожалеть.

Пусть обманусь легко. Старееет все же
Неопытный юнец, и сердце ранит
Мир без любви, которая, похоже,
Нас никогда терзать не перестанет.

Подобно урагану ветер мчится
В затылок мне дыханьем хладным. – Ясно,
Что жизнь была, но как же с ней проститься,
Пока внутри желанье не угасло?

Дальняя дорога

Что делает, не знает. Никогда
Не знал, что с ним. И он с собой
Покончил. Помутил он разум свой,
Который потерялся без следа

В напеве, что, как чистая вода,
Зальет его. В стране чужой
Она. Кто в нем нашел покой,
Не хочет ничего. Тогда

За нею, полон счастья, движет он –
То спит, то, вроде, опьянен, –
Ведомый радостью. И понемногу

Лишь музыки счастливое круженье
Подарит дорогое отраженье.
Он соберется в дальнюю дорогу.

Мужчины

*Что есть наши деяния,
Как не сумбурная мечта, полная терпкого страха!
Андреас Грифиус*

I

Идут, усмехаясь, выставив на обозренье
Прекрасные зубы и блеск свежемыйтой десны.
Упругие формы, мускулов жестких сплетенье,
Как зверь одинокий, мерцающий в свете луны.
Слепая гиена, что кровь твою жадно лакает,
И алчную пасть ее ветер могил обжигает.

Открытые взгляды, глаза, будто жаром, объаты
Иль нежностью марта их облик согрет,
Словно атлеты. И через плечо автоматы
Зеркалом времени льют металлический свет,
Мирной небрежностью ласкова их паутина,
Счастливы солнцем полуденного серпантина.

Бесцветного мира казармы уже опустели,
Дыхание ночи признанья лишилось давно,
Прощальным шуршаньем ее фонари догорели,
Вкушая на ужин жаркóе, дерьмо и вино.

Но вряд ли насытится, сколько его ни проглотит,
Ждет, что кинжалы проникнут в никчемные плоти.

С той стороны бесконечных пейзажей пастушьих
Дебри оружия, чей молниеносен порыв,
Сила Господнего перста, и забьется в удушьях
Мир без любви, словно порванный презерватив.
Будто прозрачную воду, несут деловито
Славу пророчеств таинственного алфавита.

Нежные птицы не знают, что смерть неизбежна,
Вроде горького зелья, что делает так горячо,
Нож пустоты между жизнью и жизнью небрежно
Светом нездешним безжалостно лег на плечо.
Терпкая вера, как сброшенный предохранитель,
Радостной тенью покинула злую обитель.

Проходят они, слегка выправляя рукою
Волосы в воздух, что черною лентой висит,
Воздух, что плавным движеньем взывает к покою
В час, когда смерти челном управляет Аид.
Лица мужчин искрятся обилием красок,
Смеясь, принимают обличье трагических масок.

II

Как вода, ночь прозрачна! Я слышу: мужчины считают
Деньги свои, за моей спиной бормоча,
Шепчут о смерти, что будет, как звезды растают,
Лишь забрезжит рассвет, что, словно из риса парча,
Ляжет на кожу. Я знаю: уныния солью
Воздух пронзен, – только их не унять этой болью.

Сидят по углам, и в карманы запряваны руки.
Пройдет кто-то мимо, глаза опускают в пальто,
Беззвучно пытаются не подавиться со скуки,
Как чистые тени, их не увидит никто,
Пока наручных часов бесконечное, тяжкое бремя
С них не спадет – тогда желанное время!

Время мгновенных решений, ужасных орудий,
Что лают, как волки, внезапный опасен их бой.
Молниеносные духи готовы без долгих прелюдий
В бесстрастный вступить поединок с глупой судьбой.
Я слышу их медленный шаг в рамках чертова круга
К рубежу тишины, чтобы долго смотреть друг на друга...

Бесцветные очи сомкнуться должны непременно
И сладко уснуть в бесформенной пустоте,
Чтоб в себе, наконец, убедиться, и одновременно
Жевать, как резину, проклятья, пока в темноте
Не будет спасенья и кары. Плечами пожмут, повернутся
Легко, чтоб на истинный путь свой вернуться.

Друг друга хватило сполна. Кто ж на холоде будет счастливым,
Если он гложет и ветер словно не ждет.
Им грустно без лагеря: добрые женщины с пивом
Или водкой из слив, что внутрь так непросто течет;
Если б их жизнь – лишь случайное грязи и пепла скопление –
Вызывала в наших сердцах сожаленье.

2000 г.

Устами ребенка

Что это за скандал?! К чему такая ругань?
Родители, ведь вы погубите друг друга,
А следом буду я! Но стоит постараться –
Во всем, наверняка, мы сможем разобраться!
Учебой папиной ты, мам, должна гордиться,
Усталость мамина не повод, пап, сердиться.
Кто учится сейчас, достигнет завтра веса:
Уж плавятся мозги с научного прогресса.
Пусть женщина очаг домашний полнит светом,
Ведь жизнь ее умна и нелегка при этом.
Вы – государство! Всё отныне в вашей власти:
Любовью, например, досуг свой приукрасьте!
В искусстве, в спорте ли успех придет однажды?
На месте не стоять! кричит почти что каждый.
Коль сила воли есть, она уж не напрасна:
Вам радость принесет – не это ли прекрасно?
Ведь помню я, что ты, мам, радовалась точно,
Когда ты, папа, стал учиться на заочном.
Принес домой цветы! И маму наградили.
Все удалось! Чего сейчас не поделили?!

2000 г.

Вороны

Повиновенья никогда
Их песням не добиться!
Шум из вороньего гнезда
Нас поглотить грозиться.
Забыв и радость, и восторг,
Мелодия польется,
Напевом траурным поток
До сердца доберется.

От боли корчатся поля,
Причесанные ветром,
И наполняется земля
Лесным туманным светом.
Чудес прекрасная пора
В печальный мрак исчезла:
Любовь, цветущая вчера,
Отныне бесполезна.

И в темных камерах найдем
Едва ли сил согреться;
Слова, давно покрывшись льдом,
Сжимают наше сердце.
Так пробудитесь, ибо вдруг
Молитвы и проклятья
Вас не спасут – замкнется круг
В железные объятия!

Там, за окном, в стране чудес
Безумный праздник начат.
Ужель и в вас вселился бес?!
Они же вас дурачат!
Они за вами в злую ночь
Тьму воронов погонят.
Из мира нет дороги прочь,
Покамест не схоронят.

Так действуйте! Разбейтесь в прах,
Свобода – вам награда,
Покуда бесконечный страх

Не стал опасней яда!
Но, коли нет надежды в вас,
Пришла пора прощаться:
Из мрака вороны сей час
Вас пожирать примчатся.

2000 г.

Песнь об усердии

«...страдающая плодотворной импотенцией.»
Гюнтер Кунерт

Оставьте же меня! Пускай поется
Песнь об усердии, в чем я мастак.
Ста строк мое усердие добьется
И рифм двойных полтинник. В общем, так!
Пусть эта песнь, старанье воспевая,
Строку шестую миру принесет
(Уже была), теперь строка седьмая,
Расправив крылья, понеслась вперед.
Никто не в силах, право, состязаться –
Быстрее всех поэзия моя!
Усердие, о братья-кантианцы,
Усердие, что часто видел я
В героях наших. Духом же воспряньте!
Усердие не станет ли венцом?
Но отвлекитесь на мгновенье, гляньте:
Уже строка шестнадцать налицо!
Падет ли дождь, иль небо просияет
Желанной сотней строк! и до сих пор
Усердие мое благословляет
Его апостолов чудесный хор:
«Усерден будь! Все прочее – отходы!
Бедняга же, кто смысла не поймет!»
Услышит ученик старанью оды,
Учитель выразительно кивнет:
«Вперед, вперед!» Останусь верен чувству,
Покуда мысли будут горячи,
Я сотню строк сажаю, как капусту,
Кладу я рифмы, словно кирпичи.
Пускай они хоть месяц не со мною,
Достигну я вершины все равно,
Родится гимн, что будет с кол длиною
И увлечет не хуже, чем кино!
Упорство закипит в геройской драке!
Всех выше я – усердия волна
В прах разметает денежные знаки
Регалии, медали, ордена!

На эти поэтические шаржи
Не искренность подвигла, не любовь;
Строка к строке, подобно грядкам спаржи.
Усердие провозглашает вновь:
Строку сорок один дарю планете!
Сорок вторая уж ее теснит!
Строкою воздух полон сорок третьей!
В ушах сорок четвертая звенит!
Особая понадобится рифма
К строке пятидесятой мне потом –
Быстрее поток стремительного ритма,
Что, словно всадник, потчую хлыстом.
Спешит к заветной линии финальной
Усердие! и пульс внутри застыл!
Строка пятидесятая! Печально,
Как скоро прочь! Триумфа жаркий пыл
Меня торопит снова в путь неблизкий:
Две, три строки, четыре, боже мой, –
Пожалуйста, готово место в списке
Строке случайной, пятьдесят седьмой!
«Как просто и безжалостно похищен
Бесцветных строк тоскливый каламбур;
Тому, кто скромн, лишь духовной пищей
Воздай по праву! Может, перекур?..»
Вот дьявол! Ох, старается, уродец,
Но ни за что меня не завлечет.
От рифмы к рифме, как канатоходец,
Усердие пиитово течет:
Строка шестьдесят пятая, о братья!
Достигните – взываю тщетно к вам, –
Высот моих! О том могу ль мечтать я?..
(Усердие, усердие мой храм!)
Приму, невольно радуясь успехам,
Строку семидесятую в расчет!
Улыбкой возразите или смехом, –
Семидесятая: усердию – почет!
Усердной лиры сладостные звуки
В который раз забвенья принесли, –
«Освобождайтесь из объятий скуки!
Не семьдесят восьмая это ли?»

Нет, нет, всего лишь семьдесят седьмая!
Вот семьдесят восьмую я вершу!
(Ах, строки, прочь, снежинками порхая...)
Уж восемьдесят, милости прошу!
Хоть над строкою восемьдесят первой
Не размышлял особенно поэт,
Стихи толпой раскатистой и нервной
Гнетут его и мучают, – О нет!
Неужто смерть появится с косою,
Которой не был ни один прощен?
И я черкаю трепетной рукою...
С усердием подобным обручен,
Пройдет ли кто тернистую дорогу?
Откроется ли истинная цель?
Иссякнут ли все силы понемногу?
«Так в чем же смысл? Играл ты неужель?!»
Герой напрасно слабостью страдает, –
Ведь прусскому поэту будет честь
В надежде, что с лихвою оправдает,
И радость в строчке девяносто шесть!
Но девяносто семь! Блестящей нотой
Усердие поздравить я спешу
И завершаю песнь строкою сотой:
«Где сорванец, что вешал нам лапшу?!»

2000 г.

Перо поэта

Не жди пощады! за грехи
Предам тебя огню!
Железом мне зальют нутро
Суровые цари.

Тому виной – мои стихи,
Но в них тебя виню.
Сгори дотла, мое перо,
Мой верный друг, сгори!

1995 г.

Письмо с того света

Я думал сегодня, конечно, о Боге,
О бренности прожитых лет,
И не удивился, когда на дороге
Нашел запыленный конверт.

В квартиру придя, опустил я в кресло.
(Вы вправе меня покарать
За то, что мне было весьма интересно)
И вот, что я смог разобрать:

*...И ты понимаешь, в чем смысл нашей жизни,
И ты понимаешь, в чем суть,
И в жертву себя принесешь ты отчизне,
Но только меня не забудь.*

*Когда ты рукою махнул мне с вокзала
И поезд умчался во тьму,
Тебе я в ответ ничего не сказала,
И ты не спросил, почему.*

*Поняв безысходность такого начала,
Пошла я домой налегке,
Но больше рассвет я уже не встречала,
В ту ночь утопившись в реке...*

Меня согревало лишь свечки мерцанье
В бездонной, зловещей ночи.
Что было со мной? Бытия созерцанье,
И месяца лились лучи...

1995 г.

Плач из могилы

Тебя лишь вижу я во сне:
В твоих руках завяли розы,
Твои коралловые слезы
Звенят в могильной тишине...

1995 г.

Подражание Джорджу

...Испив до дна порока чашу,
Познав запретный аромат,
На запыленной кухне яд
Себе я сыплю в простоквашу...

1995 г.

Поэт

Поэт я? Ты скажешь: «Естественно, нет,
Уж лучше пустая страница.
Вот Пушкин, вот Лермонтов – это поэт!»
Возможно ли с ними сравниться?..

Я меньше, чем кто-то, я хуже, чем штамп,
Я ниже, чем то, что порочно;
Я не Маяковский, я не Мандельштам
И я не Ахматова точно!

2003 г.

Правда жизни

Найти несложно приключенье,
Где страсти миг неуловим.
Труднее же, когда влечение
Не станет только половым.

Но, если вдруг любви мученье
Отравит, как табачный дым,
Не удивляйся, что влечение
Не стало только половым.

Когда же долгих лет течение
Твой волос сделает седым,
Не удивляйся, что влечение
Не будет даже половым.

2000 г.

Правосудие

Тебя не стану возносить
В своих стихах, как делал прежде, –
Я буду в траурной одежде
Траву в твоём дворе косить.

Я впредь тебя не попрошу
Взгляд нежный бросить из оконца,
А ненавистное мне солнце
Я чёрной тучей задушю.

Тебе помочь я не смогу,
Ведь мне тебя совсем не жалко,
Но отыщу я зажигалку
И все леса твои сожгу.

Пусть не разрушатся мечты
Того, кто чувств моих наследник,
А я приду в твой заповедник
И поломаю все цветы.

Пусть не поймет меня земля,
Пусть я родился виноватым,
Но ядовитым химикатом
Я орошу твои поля.

Я ухожу во мрак любя,
Снимая с сердца эту ношу,
Тебе в бокал пурген подброшу
И часть оставлю для себя...

Тебя я не увижу впредь,
А жизнь ко всем не справедлива,
Мы из нее уйдем красиво,
Ведь так приятно умереть...

1995 г.

Признание

О Боже! что делать, как быть? –
Наружу просятся чувства,
Мое сердце хочет любить,
Без любви в моем сердце пусто.

Но разум почти засох
От мысли, что душу губит:
А вдруг она, не дай бог,
В ответ меня не полюбит.

Она ведь своей улыбкой
Радость дарит не только мне;
Любовь ужасной ошибкой,
Когда не уверен вполне,

Падет, как роса на травы,
Испортит младую кровь,
Но люди, скорей, не правы,
Скрывая свою любовь.

Не стану молчать и жаться,
Нерешительность, ну-ка, сгинь!
Наверное, лучше признаться,
И будь, что будет! Аминь...

2000 г.

Проклятие

Напополам в груди моей разбито
Все, что еще не выжжено дотла;
И я хлебал помой из корыта,
И я глотал обьедки из котла.

Я проклинаяю все, что было свято,
Я проклинаяю наш с тобой союз,
Я обращаю в пепел горы злата,
Я в вечный минус обращаю плюс.

В загробный мир мечты мои умчались,
Во мне течет все медленнее кровь,
Будь проклят день, когда мы повстречались!
Будь проклят Бог, придумавший любовь!

1995 г.

Просто любить

Я не знаю другого такого блаженства,
Чем, проснувшись от звуков таинственных лир,
В предвкушении творчества и совершенства
Окунуться в поэзии сладостный мир.

Ибо только стихи мой оплот и спасенье,
Лишь они обо всем помогают забыть,
Только рифмы рождают во мне вдохновенье,
И мечту, и желание просто любить.

Образ дамы прекрасной был создан поэтом,
И любовью последний убит наповал;
Только в данный момент речь идет не об этом –
Мне бы собственной дамы создать идеал.

Но с любовью играть я давно не умею,
Как не в силах любовные чары разбить,
И при встрече с тобой я опять пламенею,
Загораясь желанием просто любить.

Только ты равнодушна к стихам и признаньям,
А улыбка твоя лишь симпатии знак.
Я пытаюсь не верить мечтам и мечтаньям;
Все, как будто, на месте, да что-то не так...

Я пишу эти строки тебе на прощанье,
Я пишу, хоть рискую обманутым быть,
Я пишу, а слова мне диктует желанье,
Не увидя взаимности, просто любить...

1997 г.

Прощание

Ты оставила дом и семью,
Ты теперь совершенно одна...
Я сегодняшней ночью допью
Твой бокал дорогого вина.

И неважно, что прожитых лет
Я не вспомню один даже день.
Лишь следы твои помнит паркет,
И не помнит стена твою тень.

Угасает в камине огонь,
Умирают на окнах цветы,
У меня остывает ладонь,
И виновница этого – ты!

Ты оставила дом и семью
И, надев расставанья вуаль,
Начинаешь дорогу свою,
Что ведет в бесконечную даль.

В черном небе мелькают огни:
Быстро вспыхнут и гаснут опять...
Это счастья уносятся дни,
Это – то, что я смог потерять.

На болоте завянет камыш,
И растают снега по весне;
Мне тебя не хватает, малыш,
Одиноко и холодно мне.

Ты оставила дом и семью
На закате обычного дня...
Для чего ж я, вообще, тут пою –
Все равно ты не слышишь меня.

1995 г.

Рифмоплет

В стихах столь долгий перерыв
Не погубил во мне поэта:
В душе своей талант укрыв,
Я позабыл совсем про это;

Как рифма, там и здесь снуя,
Бывало, чувство растревожит;
И верю, что стихов, быть может,
Писать не перестану я.

Помчатся строки на бумагу,
Рождая трепетный роман,
А я с улыбкою прилягу
На свой ободранный диван.

Глаза открою на рассвете:
Кругом зима, на окнах лед,
И голос свыше мне ответит:
"Какой ты, право, рифмоплет..."

1996 г.

Рука

Проступкам вослед оглянувшись,
Предчувствуя горечь тоски,
Не смог я уйти, не коснувшись
Твоей желто-синей руки...

1994 г.

С похмелья

Отколе взялся этот сон
Во мраке злой и хладной ночи?
Пошто застлал туманом очи?
Пошто их сжал со всех сторон?

Покамест солнце не взошло,
Лежу и сплю я, как убитый,
Пунцом блестят мои ланиты,
Болит усталое чело.

Темным-темна моя светлица,
Она печальна и пуста,
Горят огнем мои уста,
И мне с похмелья сладко спится...

1995 г.

Сборы

Не под стать простому солдату,
Кем, наверно, не стану позже,
Я иду по военкомату,
И мой шаг с каждым шагом тверже.

Я иду не в просторную залу,
Где на съезд собрались правители, –
Путь мой долгий лежит к подвалу –
Там, поверьте мне, восхитительно.

Там себя ощущаешь сильным,
Там, едва лишь плечи расправлю,
Вновь тянусь я за делом пыльным
И по алфавиту ставлю.

А вокруг меня разговоры
Языком исключительно матерным –
Так мы типа проходим сборы,
Это типа для нас обязательно.

И неправильно думать думы,
Что за кайф нам в этом участвовать,
Ведь в июле сдадим "войну" мы
И отправимся водку пьянствовать.

2000 г.

Сердце

В нашем сердце так много света,
Что его невозможно разбить;
Мы не можем любить без ответа,
Но не в силах совсем не любить.

2001 г.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

вольная интерпретация известного произведения

Грустный голос канарейки
Моноotonно пел вдали,
Три девицы на скамейке
Распинались, как могли.
Молвит старшая: «Могла бы
Я, примерно, три котла
Насушить изюма, кабы
Я царицею была».
Молвит средняя: «Могла бы,
Как искусная игла,
Всем трусы заштопать, кабы
Я царицею была».
Молвит младшая сестренка:
«Хоть я возрастом мала,
Но здорового ребенка
Для царя бы родила».

Спал в пруду юродец рядом
И, услыша разговор,
Он немедленно с докладом
Побежал к царю на двор.
Там, у праздного алькова,
В пряном запахе мимоз,
Он от слова и до слова
Государю все донес.
Царь обдумал эти речи
И к девицам поспешил –
Видно, он при личной встрече
Что-то выяснить решил.

Входит царь во тьму светлицы,
Видит шесть невинных глаз,
А тем временем девицы
Уж вспотели сорок раз.
Царь о коврик ноги вытер
И сказал, главу склоня:
«Я так понял, что хотите

Все вы замуж за меня?
Будь спина моя здорова...
Не носил бы седину...
Три жены, наверно, клево,
Но боюсь, не потяну.
Я уже не прыткий мальй,
И хочу предупредить:
В жены я возьму, пожалуй,
Ту, что сможет мне родить».

Возбуждившись понемногу,
Государь отдал приказ
Самой младшей в путь-дорогу
Собираться сей же час.
«Будь же ты моя царица...» -
К ней он ласково приник,
И, на радостях, девица
Забеременела вмиг.
После голосом задорным
Повелел могучий царь
Всем художникам придворным
Рисовать к утру алтарь.

Ум великого Салтана
Был прекрасен и остер:
Не забыл он, как ни странно,
И обломанных сестер.
У разбитого корыта
Он бросать их не хотел:
Стать душою общепита
Самой старшей повелел;
В заключении «приправил»
Он решение сие
Тем, что среднюю направил
На работу в ателье.

Быстро лошади гнедые
Мчат карету во дворец –
Обвенчались молодые!
Слава Богу! Наконец!

На банкет съезжались гости,
А сестрицы у крыльца
Сквернословили от злости,
Повторяя без конца:
«Вот когда наступит в полночь
Время роды принимать,
Мы тебе устроим, сволочь!
Плакать будешь, твою мать!»

Суматоха по палатам,
Стынет праздничный пирог:
Ровно в месяце девятом
Долгожданный выпал срок.
Лишь царица гласом нежным
Застонала не в пример,
Как в халате белоснежном
Прибыл лучший акушер.
Спрятав кисти рук в перчатки,
Молвил он почти шутя:
«Не пугайтесь: это схватки –
Скоро вылезет дитя».
И в четыре полотенца,
Чтобы ветер не продул,
Он кричащего младенца
Аккуратно завернул.

В это время под Подольском,
Памятуя о жене,
Царь Салтан с казенным войском
Развлекался на войне:
Что за славная обуза,
Если кровь пустить рекой
Из монгола, из француза
И того, кто под рукой!

А царица надушилась
И царю письмо строчит:
Нонче сыном разрешилась
(Он сейчас в углу кричит).
Тут как тут гонец явился,
Заложил письмо на грудь

И в конюшню удалился
Снаряжаться в дальний путь.
А сестрицы уж не дремлют,
Выгибаются дугой,
С двух сторон гонца объемлют
И конверт дают другой:
*Съев наждачную бумагу,
Жинка сбрендила с ума:
Родила такую шнягу,
Что пугается сама.*

Лишь Салтан прочел об этом,
Вмиг посланника схватил
И серебряным кастетом
Прямо в ухо засветил;
После двинув шпорой в челюсть,
Царь довольно произнес:
«Боже мой, какая прелесть!» –
И сломал бедняге нос.
Но к утру остыв от гнева,
Государь сказал гонцу:
«Ты езжай-ка, брат, налево,
То есть к нашему дворцу,
И царице до обеда
Сообщи такой приказ:
*Разберись, когда приеду,
Что за шняга там у вас!»*

Поскакал гонец обратно,
Но сестрицами опять
Встречен был весьма приятно
И отправлен выпивать.
После пятого бокала
У несчастного гонца
Мысль рождаться перестала
И совсем ушла с лица.
А сестрицы-то не дремлют,
Водят правою ногой,
С двух сторон гонца приемлют
И конверт суют другой:

*Царь велит своим боярам
Растопить получше печь,
Все опрыскать скипидаром
И немедленно поджечь.
Взять наждачную бумагу
И отборным сургучом
Запечатать эту шнягу,
Прежде треснув кирпичом;
Выдать бешеной царице,
Приготовить ей карниз,
Для прикола, помолиться
И столкнуть обоих вниз!*

Твердолобые бояре
Не ослушались приказ,
И царица в скипидаре
Оказалась сей же час...

В кулаке сжимая шило,
Промывая спешно рот,
Государыня решила:
«Начался переворот!»

Вытираясь полотенцем,
Мимо пьяного гонца,
Государыня с младенцем
Ломанулась из дворца.
И стараясь не убиться
В страшный ливень и туман,
Офигевшая царица
Прибежала в океан;
Там же бочку приглядела,
Запихнулась, как могла,
Засмолилась, как умела,
И с отливом уплыла.

Лес и дол видений полны,
Канарейка не поет;
В океане плещут волны,
Бочка весело плывет.
А внутри нее царица,

О судьбе своей скорбя,
Трехэтажно матерится,
Но, конечно, про себя.

Пробежало четверть века,
Спал рождественский мороз;
В молодого человека
Сын практически попрос.
Стало тесно в старой бочке:
У царицы сей же час
Деформировались почки,
Обострился ишиас,
Селезенка онемела,
А царевич молодой,
Осторожно и умело,
Стал беседовать с водой.
Поразмыслив однобоко,
Он сказал: «Волна, волна,
Ты, прохладна и широка,
Ты, упруга и стройна,
Измотала нашу душу
Вдоль по матушке Руси...
На какую-нибудь сушу
Ты теперь нас отнеси!»
Всколыхнулись воды моря,
Всполошились воды рек
И, с царевичем не споря,
Бочку вынесли на брег.

Но царица, как и прежде,
Продолжает слезы лить;
На дитя глядит в надежде –
Намекает, стало быть.
Сын, воспрянув тут же духом,
Пораскинул ноги врозь,
Надавил на днище брюхом
И, пробив его насквозь,
Мать, гляди, возможно ль это?!
Удивленно завопил
И, зажмурившись от света,

Робко на берег ступил.
Взору тусклому открылся
Удручающий пейзаж:
Крот из пляжа появился
И залез обратно в пляж...

Сладко дышится на воле;
Только властью местных чар
Впереди, в широком поле,
Возвышается анчар.
Сын подумал: «Надоело
Молоко грудное пить,
А гастрит такое дело –
С ним невыгодно шутить...
Лук покрепче сделать надо».
И, собрав остатки сил,
Он под корень древо яда,
Разбежавшись, своротил;
Покорячась, еле-еле
Отломал тяжелый сук
И к концу второй недели
Смастерил убогий лук;
Заточил зубами стрелку
И, когда пришел восход,
Подстрелил на завтрак белку
(Это был несчастный крот)...
После маминых истерик,
Завернувшись в рваный плед,
Сын отправился на берег –
Там-де водится обед...

Было сыро и прохладно;
Вдруг царевич молодой
Видит: на море неладно,
Лебедь бьется над водой;
Сверху, как настырный поршень,
Баннный лист и паразит,
Зло сморкаясь, черный коршун
Потопить ее грозит.
Распустив стальные когти,
Он уж лебедь прихватил...

Бросил грызть царевич ногти
И смеяться прекратил;
Со словами *Ну и шняга!*
Зазвенела тетива,
И у коршуна (бедняга!)
Отвалилась голова.
Тело несколько вспорхнуло,
Принимая жалкий вид,
И в глубинах затонуло...

Лебедь, в общем, говорит:
«Ах, царевич легендарный,
Ты меня от смерти спас!
Буду вечно благодарной
(По возможности, не раз);
И теперь меня повсюду
Ты сумеешь отыскать,
Я твоим желаньям буду
Неустанно потакать.
Крайне смелую идею
Ты сегодня воплотил,
Ибо злему чародею
Жить отныне запретил.
Твой поступок благородный
Уберег девичью честь.
До утра сиди голодный». –
«У меня ли выбор есть?» -
Ей царевич отвечает,
Опуская очи вниз,
И совсем не замечает
Уготовленный сюрприз.

Канарейка веселится,
Невод штопает рыбак,
А царевич и царица
Спать ложатся натоцк...

Только поутру очнулись,
Обделенные судьбой,
Проморгались, потянулись –

Город дивный пред собой
Обнаружили невольно,
Улыбнулись, как смогли,
И не медленно довольно
Вроде завтракать пошли.
Лишь приблизились ко граду
И собрались постучать,
Их втащили за ограду
И отправили венчать...
«Мне, наверно, показалось», -
Сообщает сыну мать. –
«Это лебедь постаралась», -
Стал царевич понимать,
И в почти что строгом тоне
Объявил народу он:
«Раз уж я сажу на троне,
Зваться буду: князь Гвидон».

Канарейку щиплет зяблик
Прямо в синих небесах;
По волнам бежит кораблик
На раздутых парусах.
На борту всего навалом –
От бензина до мацы,
За потрепанным штурвалом
Сплошь российские купцы.
С главной мачты глазом остро
Водит юнга вкривь да вкось
И кричит: «Какой-то остров!
То Гренландия, небось!» –
«Нет, Гренландия южнее, -
Капитан взглянул на брег, -
Рулевой, крути нежнее,
Мы пристанем на ночлег».

Манит ласковая пристань,
За дворецкого – арап;
Изумленные туристы
На золотой вступают трап.
Бьют величественно пушки;
Слуги весело снуют,

Одеяла и подушки
Дорогим гостям суют.
Гости, робко озираясь,
Принимают валидол.
Князь Гвидон, не сомневаясь,
Приглашает их за стол.
Гости, прячась в гарнитуре,
Не решаются присесть...
Князь воскликнул: «Ну, в натуре!
Мы сегодня будем есть?!
Вот же пышное убранство!
Вот вино и холодец!» –
«Не удариться бы в пьянство...» -
Заявил один купец.

Приближалось время ночи,
Канарейка – как всегда;
Князь Гвидон спросил: «Короче,
Вы откуда и куда?»
Самый главный из туристов,
Запинаясь языком,
Отвечает: «Ща мы быстро
До Салтана напрямиком.
Мы в Германии и Польше
Закупились на «ура»,
Нам туда не надо больше,
Нам домой теперь пора;
До знакомого порога
Мы отправимся чуть свет». –
«Что же, скатертью дорога
И Салтану мой привет!» -
До земли потупив очи,
Им ответил князь Гвидон,
И во тьме холодной ночи
Тотчас лебедь вызвал он.
Лебедь тотчас приплывает
И с улыбкой говорит:
«Что-то, князь, тебя снедает...
Я надеюсь, не бронхит?
Ухо правое зарделось,
Слезы катят по лицу...» –

«Мне к Салтану захотелось,
То есть, в принципе, к отцу...» -
Князь печально отвечает,
Скомкав бантиком уста,
А меж делом изучает
Лебедь – с клюва до хвоста.
Та в ответ: «Плохие вести!
Ждать придется до утра».
И Гвидон на ровном месте
Обратился в комара.
Ночь проведши на осине,
Он крылами замахал
И, с рассветом, в море сине,
Улыбаясь, запорхал.
Несмотря, что было трудно,
Обезвожен и угрюм,
Он догнал купцово судно
И сховался прямо в трюм;
Отдышался, отряхнулся,
Теплый угол приглянул,
Развалился, потянулся
И немножечко вздремнул...

Гладь соленая, морская,
В томном блеске предстает;
Волны ровно рассекая,
Судно поверху плывет.
Канарейке как невесте
Быть негоже в неглиже...
А салтаново поместье
Видно издали уже.
Вдоль знакомого причала,
Не держась особняком,
Гости двинули устало
До Салтана напрямиком.
И за ними, что есть мочи,
Через крышу и балкон
(Гордо рея, между прочим),
Пулей вылетел Гвидон.

Царь Салтан сидит в палате,
На престоле и в венце,
В серебре, парче и злате,
С грустной думой на лице.
За столом, довольно близко,
Занимая весь торец, –
Повар-шеф, при ней стилистка
Да подвыпивший гонец.
Царь, взирая на бутылки,
Длинным ногтем чешет нос
И гостям, грызущим вилки,
Задаёт такой вопрос:
«Я не буду к вам настойчив,
Интересно, право, мне:
Али доллар неустойчив,
Аль война опять в Чечне?»
Корабельщики спокойно
Отвечают: «В общем, так:
Не проходят в мире войны –
Буш наехал на Ирак...
Воевать друг с другом просто;
Мы расскажем о другом:
В океане дивный остров,
Стены белые кругом,
Церкви блещут куполами
От рассвета до зари,
И звенят колоколами
Каждый день монастыри.
В общем, масса впечатлений;
Да тебе ещё поклон
Шлет владыка тех имений –
Лучезарный князь Гвидон».
Царь Салтан сбегает с трона
И уходит прямо в сад
Со словами, что «Гвидона
Посетить я был бы рад!»
Вслед за ним бежит сестрица...
На скамеечку присев
И мурлыча, как тигрица,
Заявляет повар-шеф:
«Вот тебе, Салтан, пиала,

В ней – густая карамель;
Я в лесу одном видала
Удивительную ель...
Вот с ватрушками тарелка;
А еще под елью той
Замечательная белка
Бизнес делает крутой:
Лишь наступит, скажем, осень
И расколется луна,
Тысяч семь, а может, восемь
(Ну, естественно, «грин»)
Из обычного ореха
Достает, как чародей,
И бесплатно – вот потеха! –
Исполняет “Yesterday”»!

Как царю на вкус пришелся
Этот сказочный рассказ!
А комар подразошелся
И расквасил тетке глаз.
Не стесняясь поведенья
И довольный, как жираф,
Князь погнал в свои владенья,
Средний палец показав.

До земли потупив очи,
Бродит берегом Гвидон,
И во тьме холодной ночи
Вызывает лебедь он.
Лебедь тотчас приплывает
И с улыбкой говорит:
«Что-то, князь, тебя снедает...
Я надеюсь, не гастрит?»
Молвит князь: «Вообще-то, странно
Рассуждает нынче свет;
Мне сегодня утром рано
Наплели какой-то бред.
Я подобного экспромта
Не слышал нигде досель:
Будто есть в лесу каком-то

Замечательная ель;
Вроде, полная безделка...
Так еще под елью той
Удивительная белка
Бизнес делает крутой:
Лишь наступит, скажем, осень
И расколется луна,
Тысяч семь, а может, восемь
(Ну, естественно, «грин»)»
Из обычного ореха
Достает, как чародей,
И, наверное, для смеха
Исполняет “Yesterday”!
Очень, видимо, прикольно
Песни “Beatles” на заказ,
Да сомнительным уж больно
Представляется рассказ...»
Лебедь князю отвечает:
«Ты задумайся хоть раз:
В этой жизни все бывает,
Даже “Beatles” на заказ.
Долго думать мы не станем
И Гвидону-молодцу
Непосредственно доставим
Белку с елью ко дворцу»!
Князь, естественно, повелся,
Вспоминая комара,
И немедленно поплелся
До знакомого двора;
Дыбом встал последний волос
От количества людей:
Внемлют все, как женский голос
Исполняет “Yesterday”!
Вмиг состряпанною сделкой
Вдохновился князь Гвидон,
И с поющей “Beatles” белкой
Стал навеки дружен он.

Канарейку треплет зяблик
Прямо в синих небесах;
По волнам бежит кораблик

На раздутых парусах.
На борту всего навалом:
Помидоры, огурцы...
За потасканным штурвалом
Вновь российские купцы.
С главной мачты глазом остро
Водит юнга вкривь да вкось
И кричит: «Какой-то остров!
То Исландия, небось!» –
«Нет, Исландия южнее, -
Капитан взглянул на брег, -
Рулевой, крути нежнее,
Мы пристанем на ночлег».

Манит ласковая пристань,
За дворецкого – арап;
Подуставшие туристы
На золотой ступают трап.
Бьют величественно пушки;
Слуги весело снуют,
Одеяла и подушки
Дорогим гостям суют.
Гости, вяло озираясь,
Принимают панадол.
Князь Гвидон, не сомневаясь,
Приглашает их за стол.
Гости, прячась в garniture,
Не решаются присесть...
Князь воскликнул: «Ну, в натуре!
Мы сегодня будем есть?!
Вот же пышное убранство!
Вот солёный огурец!» –
«Каждый день – сплошное пьянство!» -
Заявил один купец.

Приближалось время ночи,
Канарейка – как всегда;
Князь Гвидон спросил: «Короче,
Вы откуда и куда?»
Самый главный из туристов,

Запинаясь языком,
Отвечает: «Ща мы быстро
До Салтана прямиком.
Добродушная Канада
Предоставила коньки;
Все, что нам отныне надо, —
Лед какой-нибудь реки...
До знакомого порога
Мы отправимся чуть свет». —
«Что же, скатертью дорога
И Салтану мой привет!» -
До земли потупив очи,
Им ответил князь Гвидон,
И во тьме холодной ночи
Тотчас лебедь вызвал он.
Лебедь тотчас приплывает
И с улыбкой говорит:
«Что-то, князь, тебя снедает...
Неужели гайморит?
Ухо левое зарделось,
Пятна бродят по лицу...» —
«Мне к Салтану захотелось,
Тянет к старому отцу...»
Тут волна его схватила,
Закрутила, как в кольце,
И сей час же превратила
В заурядную цеце.
Ночь проведши на осине,
Муха гордо поднялась
И, с рассветом, в море сине,
Улыбаясь, понеслась.
Хоть в полете было трудно,
Все же ей пришло на ум,
Догонять купцово судно
И ховаться прямо в трюм.

Гладь соленая, морская,
В томном блеске предстает;
Волны ровно рассекая,
Судно поверху плывет.
Канарейке прочат свадьбу

На девятом этаже,
А салтанову усадьбу
Видно издали уже.
Вдоль знакомого причала,
Не держась особняком,
Гости двинули устало
До Салтана напрямиком.
И за ними, что есть мочи,
Через крышу и балкон,
Растопырив ясны очи,
Мухой вылетел Гвидон.

Царь Салтан сидит в палате,
На престоле и в венце,
В ярко вышитом халате,
С мятой думой на лице.
За столом, довольно близко,
Изучают огурец
Повар-шеф, еще стилистка
Да подвыпивший гонец.
Царь, взирая на бутылки,
Длинным ногтем чешет нос
И гостям, грызущим вилки,
Задаёт такой вопрос:
«Терроризм, будь он неладен,
Всех сегодня окрутил:
Этот бешеный Бин Ладен
Самолет не запустил?»
Корабельщики спокойно
Отвечают: «Никогда
Не проходят в мире войны –
И с Бин Ладеном беда...
Воевать с Нью-Йорком просто;
Мы расскажем о другом:
В океане дивный остров,
Стены белые кругом,
Церкви блещут куполами
От рассвета до зари,
Все обито зеркалами –
И снаружи, и внутри;

В центре города – поделка
(Сводит каждого с ума...):
Ель стоит, под нею белка,
Симпатичная весьма,
Лишь наступит, скажем, осень
И расколется луна,
Тысяч семь, а может, восемь,
Исключительно «грин»,
Из обычного ореха
Достает, как чародей,
И бесплатно – вот потеха! –
Исполняет “Yesterday”»!
В общем, масса впечатлений;
Да тебе еще поклон
Шлет владыка тех имений –
Лучезарный князь Гвидон».
Царь Салтан слезает с трона
И уходит прямо в сад
Со словами, что «Гвидона
Посетить я был бы рад!»
Вслед ему стилистка бачит:
«Я клиента приведу –
Он вам соло зафигачит
Даже к песне “Love Me Do”!
Есть иное чудо в свете,
Что не видел человек:
Море взбрызнет на рассвете,
И появится на брег,
Попивая чарку джина,
Трубки мятные куря,
Бесподобная дружина –
Тридцать три богатыря!
В дальнем радиусе бродит
Их воинствующий взор;
Ими крепко верховодит
Грозный дядька Черномор».

Как царю на вкус пришелся
Этот сказочный рассказ!
А Гвидон подразошелся
И свалился тетке глаз.

Не стесняясь поведенья
И довольный, как жираф,
Князь погнал в свои владенья,
Средний палец показав.

Как всегда потупив очи,
Бродит берегом Гвидон,
И во тьме холодной ночи
Вызывает лебедь он.
Лебедь тотчас приплывает
И с улыбкой говорит:
«Что-то, князь, тебя снедает...
Вроде не тромбофлебит?»
Князь ей молвит: «Неустанно
Ходят слухи вдоль земли;
Мне сегодня утром рано
Снова лажу наплели:
Словно чудо есть на свете,
Что не видел человек:
Море взбрызнет на рассвете,
И появится на брег,
Попивая чарку джина,
Трубки мятные куря,
Бесподобная дружина –
Тридцать три богатыря!
В дальнем радиусе бродит
Их воинствующий взор;
Ими крепко верховодит
Грозный дядька Черномор».
Лебедь князю отвечает:
«Это чудо не беда;
В этой жизни все бывает,
И дружина иногда
Выбегает из пучины
Нерушимую стеной;
Эти славные мужчины
Мне приходятся родней.
Долго думать мы не станем
И Гвидону-молодцу
Непосредственно доставим

Черномора ко дворцу»!
Князь, естественно, повелся
(Так же, как позавчера),
И немедленно поплелся
До знакомого двора.
Лишь добрался, оглянулся
И заметил вдалеке:
Тихий берег взял и вздулся,
Словно вена на руке,
И явились из пучины,
Через каменный забор,
Сплошь красивые мужчины
(Первым топал Черномор).
Князю доброму Гвидону,
Из ноздрей пуская пар,
Каждый выдал по поклону,
Лбом упершись в тротуар.
Черномор добавил: «Людам
Уж давно пора прилечь;
Мы границы ваши будем
Замечательно стеречь!
Впредь рогаткою не мучай
Ни монголов, ни татар,
Ведь у нас, на всякий случай,
Приготовлен скипидар...»

Канарейку любит зяблик,
Не стесняясь, в небесах;
По волнам бежит кораблик
На раздутых парусах.
На борту всего навалом:
Козинаки, голубцы...
За поломанным штурвалом
Те же бедные купцы.
С главной мачты глазом остро
Водит юнга вкривь да вкось
И кричит: «Какой-то остров!
То Америка, небось!» –
«Нет, Америка южнее, -
Капитан взглянул на брег, -
Рулевой, крути нежнее,

Мы пристанем на ночлег».

Манит ласковая пристань,
За дворецкого – арап;
Полупьяные туристы
На золотой ступают трап.
Бьют величественно пушки;
Слуги весело снуют,
Одеяла и подушки
Дорогим гостям суют.
Гости, вяло озираясь,
Принимают бисептол.
Князь Гвидон, не сомневаясь,
Приглашает их за стол.
Гости, прячась в гарнитуре,
Не решаются присесть...
Князь воскликнул: «Ну, в натуре!
Мы сегодня будем есть?!
Вот же пышное убранство!
Вот же вкусный леденец!» –
«Нам под силу только пьянство!» -
Заявил один купец.

Приближалось время ночи,
Канарейка – как всегда;
Князь Гвидон спросил: «Короче,
Вы откуда и куда?»
Самый главный из туристов,
Запинаясь языком,
Отвечает: «Ща мы быстро
До Салтана прямиком.
Мы валюты накопили,
Что Клондайку не снискать,
И для матушки России
Будем тренера искать.
До знакомого порога
Мы отправимся чуть свет». –
«Что же, скатертью дорога
И Салтану мой привет!» -
До земли потупив очи,

Им ответил князь Гвидон,
И во тьме холодной ночи
Тотчас лебедь вызвал он.
Лебедь тотчас приплывает
И с улыбкой говорит:
«Что-то, князь, тебя снедает...
Вроде не аппендицит?
Ухо чиреем заделось,
Князю вовсе не к лицу...» –
«Мне к Салтану захотелось,
К престарелому отцу...»
Тут волна его схватила,
Пронесла через поля
И сей час оборотила –
Не поверите! – в шмеля.
Ночь проведши на осине,
Шмель крылами замахал
И, с рассветом, в море сине,
Улыбаясь, запорхал.
Несмотря, что было трудно,
Обезвожен и угрюм,
Он догнал купцово судно
И сховался прямо в трюм;
Отдышался, отряхнулся,
Теплый угол приглянул,
Развалился, потянулся
И немножечко вздремнул...

Гладь соленая, морская,
В томном блеске предстает;
Волны ровно рассекая,
Судно поверху плывет.
Канарейка еле дышит,
Налегает на блины,
А салтановские крыши
Вот уж издали видны.
Вдоль знакомого причала,
Не держась особняком,
Гости двинули устало
До Салтана напрямиком.
И за ними, что есть мочи,

Через крышу и балкон
(Потому что так – короче),
Важно вылетел Гвидон.

Царь Салтан сидит в палате,
На престоле и в венце,
Руки дряхлые в шпинате,
Дума тяжкая в лице.
За столом, довольно близко,
Изучают голубец
Повар-шеф, еще стилистка
Да подвыпивший гонец.
Царь, взирая на бутылки,
Длинным ногтем чешет нос
И гостям, грызущим вилки,
Задаёт такой вопрос:
«Я почти что обессилел –
Вроде как на склоне лет;
Вы скажите: у России
Тренер будет или нет?»
Корабельщики в печали
Молвят без обиняков:
«Мы давно не замечали
Перспективных игроков;
Странный дриблинг нашей сборной
Продолжают обмывать
Лишь в общественной уборной...
Сей состав тренировать
Будет, видимо, непросто...
Мы расскажем о другом:
В океане стильный остров,
Стены-граффити кругом,
Церкви блещут куполами
Институты – детворой;
Все уставлено столами,
Все намазано икрой...
Да еще видали диво:
Всполошатся воды рек,
Море взбрызнется красиво,
И появится на брег,

Попивая чарку джина,
Трубки мятные куря,
Бесподобная дружина –
Тридцать три богатыря!
В дальнем радиусе бродит
Их воинствующий взор;
Ими крепко верховодит
Грозный дядька Черномор...
В общем, масса впечатлений;
Да тебе еще поклон
Шлет владыка тех имений –
Лучезарный князь Гвидон».
Царь Салтан сползает с трона
И уходит прямо в сад
Со словами, что «Гвидона
Посетить я был бы рад!»
Тут как тут гонец проснулся,
Приподнялся сколько смог,
На Салтана обернулся
И пронзительно изрек:
«То не средство от кручины,
Не лекарство от тоски –
Ровным строем из пучины
Вылезают мужики!..
Вот что чудом, несомненно,
Вы сочтете без труда:
Где-то водится царевна,
У нее во лбу звезда,
Под косою месяц ясный,
Голос льется, как ручей,
Да вдобавок у несчастной
Ноги прямо от ушей!»

Как царю на вкус пришелся
Этот сказочный рассказ!
А Гвидон подразошелся
И гонца ужалил в глаз...

Не стесняясь поведенья
И довольный, как жираф,
Князь погнал в свои владенья,

Средний палец показав.

Искривив до боли очи,
Бродит берегом Гвидон,
И во тьме холодной ночи
Вызывает лебедь он.
Лебедь тотчас приплывает
И с улыбкой говорит:
«Что-то, князь, тебя снедает...
Неужели простатит?»
Молвит князь сиюминутно
В интонации простой:
«Мне на сердце неуютно –
Холостой да холостой...»
Лебедь князю: «На примете
Ты имеешь всех подряд?»
Тот в ответ: «На белом свете
Есть царевна, говорят...
Под косою месяц ясный
Светит весело всегда,
И во лбу зарю красной
Занимается звезда.
В час ненастья и тревоги
Голос льется, как ручей,
И растут вдобавок ноги
Абсолютно от ушей.
Объясни скорее: все же
Правда это или нет?» -
«Описание похоже, -
Молвит нехотя в ответ
Деловая лебедь-птица, -
Выражайся, брат, ясней:
Для чего тебе девица?
Что ты делать будешь с ней?»
Князь вскричал, что хочет свадьбы
И что брачную постель
Он помчался покупать бы
Хоть за тридевять земель.
Он орал: «Супруге буду
По хозяйству помогать:

Пылесосить, мыть посуду,
Даже кактус поливать!»
Что любить способен знойно,
Что дороже, чем семья...
Лебедь молвила: «Спокойно!
Я царица! Понял? Я!»
Тут она взлетела ровно
И с огромной высоты,
Мимо бледного Гвидона,
Смачно шлепнулась в кусты.
«Не ушиблась ненароком?» -
Робко вымолвил Гвидон. -
«Я была во сне глубоком», -
Из кустов услышал он.

Что за чудная картинка?
Симпатичная на вид,
Приближается блондинка,
И во лбу звезда горит!
Под косою месяц ясный,
Голос льется, как ручей,
Да извилиной прекрасной
Ноги прямо от ушей!

Князь Гвидон ее встречает,
Провожает на крыльцо
И на палец надевает
Обручальное кольцо,
Трепеща невинным телом...
Мать от счастья слезы льет;
А в царице, между делом,
Зачинается приплод...

Канарейку злобный зяблик
Продолжает в небесах...
По волнам бежит кораблик
На раздутых парусах.
На борту всего навалом -
От бизона до овцы;
За оторванным штурвалом
Спят поддатые купцы.

С главной мачты глазом остро
Водит юнга вкривь да вкось
И кричит: «Какой-то остров!
То Австралия, небось!» –
«Нет, Австралия южнее, -
Капитан взглянул на брег, -
Рулевой, крути нежнее,
Мы пристанем на ночлег».

Манит ласковая пристань,
За дворецкого – арап;
Приставучие туристы
На золотой ступают трап.
Бьют величественно пушки;
Слуги весело снуют,
Одеяла и подушки
Дорогим гостям суют.
Гости, вяло озираясь,
Принимают димедрол.
Князь Гвидон, не сомневаясь,
Приглашает их за стол.
Гости, прячась в гарнитуре,
Не решаются присесть...
Князь воскликнул: «Ну, в натуре!
Мы сегодня будем есть?!
Вот же пышное убранство!
Вот зажаренный песец!» –
«А потом начнется пьянство!» -
Сообщил один купец.

Приближалось время ночи,
Канарейка – как всегда;
Князь Гвидон спросил: «Короче,
Вы откуда и куда?»
Самый главный из туристов,
Запинаясь языком,
Отвечает: «Ща мы быстро
До Салтана прямиком.
Все моря избороздили,
Но недавно вышел срок:

Половину посадили,
Нас пустили под залог». —
«Я задерживать не стану, -
Князь с усмешкой произнес, -
Вы напомните Салтану
(Раз гнетет его склероз):
Пусть выходит из «берлоги»,
Снаряжает крепкий плот,
Пусть хватает в руки ноги
И ко мне сюда плывет!»

Гладь соленая, морская,
В блеске радостном лежит;
Волны ровно рассекая,
Судно поверху бежит.
В канарейку целит житель —
Надоела всем она...
Но салтанова обитель
Снова издали видна.
Вдоль знакомого причала,
Не держась особняком,
Гости двигают устало
До Салтана напрямиком.

Царь Салтан сидит в палате,
С медным скипетром в руке,
С вечной думой о зарплате,
С облысеньем на пупке.
За столом, довольно близко,
Изможденные вконец, —
Повар-шеф, сестра-стилистка
Да обдолбанный гонец.
Царь, взирая на бутылки,
Длинным ногтем чешет нос
И гостям, грызущим вилки,
Задаёт такой вопрос:
«Дребедень одолевает,
Бьет мурашкой по спине:
Как там Путин поживает,
Не скучает ли по мне?»
Корабельщики в печали

Молвят без обиняков:
«Мы Володьку не встречали
Ни в одном из кабаков...
Президентом быть непросто;
Мы расскажем о другом:
В океане дивный остров,
Пабы всякие кругом;
В центре города – поделка
(Сводит каждого с ума...):
Ель стоит, под нею белка,
Симпатичная весьма,
Лишь наступит, скажем, осень
И расколется луна,
Тысяч семь, а может, восемь,
Обязательно «грин»,
Из обычного ореха
Достает, как чародей,
И бесплатно – вот потеха! –
Исполняет “Yesterday”!»!
А еще в том царстве диво:
Всполошатся воды рек,
Море взбрызнется красиво,
И появится на брег,
Попивая чарку джина,
Трубки мятные куря,
Бесподобная дружина –
Тридцать три богатыря!
В дальнем радиусе бродит
Их воинствующий взор;
Ими крепко верховодит
Грозный дядька Черномор...
А царевна там – картинка!
Симпатичная на вид:
Синеглазая, блондинка,
И во лбу звезда горит!
Под косою месяц ясный,
Голос льется, как ручей,
Да извилиной прекрасной
Ноги прямо от ушей!
В общем, масса впечатлений;

Да тебе еще поклон
С приглашением на пельмени
Презентует князь Гвидон!»
Царь воскликнул: «В чем же дело!
Снаряжайте быстро флот!»
А шеф-повар загундела:
«Стынет грушевый компот...» –
«Отморозишь два мениска,
Их и шубой не спасешь! -
Вслед заметила стилистка, -
В чем ты, старь, поплывешь?» –
«Право, царь, побойся богу, -
Робко вымолвил гонец, -
Коль отправимся в дорогу,
Будет жареный песец!..»

Государь не стал их слушать:
На заморской стороне
Он хотел пельменей скушать
(И, желательно, вдвойне...)

Князь, княгиня и царица
Разместились под окном;
Море ласково искрится,
Волны ходят ходуном...
Тощий зяблик с канарейкой
Надрываются вдали –
Это стройною линейкой
Показались корабли.
В позолоченной попоне,
Как заправский растаман,
На корме, в походном троне,
Восседает царь Салтан;
Рядом, тая, как ириска,
В жалком ропоте сердец, –
Повар-шеф, сестра-стилистка
Да испуганный гонец.

Князь Гвидон спешит ко берегу,
Красный, словно помидор,
Всех сажает на телегу

И везет к себе во двор.
Вдоль дороги, с чаркой джина,
Трубки мятные куря –
Видит царь, – стоит дружина –
Тридцать три богатыря!
Каждый четко охраняет
И ворота, и забор;
Ими гордо заправляет
Грозный дядька Черномор...

Лишь проехали на стрелку,
Замечает бравый царь
Ель пушистую и белку,
Ту, что в долларах штукарь
Из обычного ореха
Достает, как чародей,
И бесплатно – вот потеха! –
Исполняет “Yesterday”».

Тут навстречу им – картинка!
Симпатичная на вид:
Синеглазая, блондинка,
И во лбу звезда горит!
Под косою месяц ясный,
Голос льется, как ручей,
Да извилиной прекрасной
Ноги прямо от ушей!
С молодой княгиней рядом,
В жилах сдерживая кровь,
Царь Салтан безумным взглядом
Узнает свою любовь!
Сразу вспомнил он мимозы
Да побитого гонца...

Проливая счастья слезы
В роли мужа и отца,
Он сестрицам, чтоб не ржали,
Обещал большой пистон;
Те от страха задрожали
И... описались (пардон...)

Все потом уселись кушать
Сплошь пельменную еду
И с большим вниманьем слушать
Соло к песне “Love Me Do”.

Я там не был (слава богу),
Я выделял стихи,
Сердцем чувствуя тревогу
О расплате за грехи...

Но пришла пора прощаться,
Типа, сказочке конец...

P.S.
Тем, кто станет возмущаться,
Будет жареный псец!

2001-2003 г.

Снежинки

Снежинки мягкие кружатся,
Кружатся не спеша...
С девчонками мне не дружится,
Не дружится ни шиша...

2000 г.

Сон

Стеклом блистают города,
Повсюду царствует беспечность,
Уходит солнце в никуда,
А над землей сверкает вечность.

Как чудодейственный магнит,
Как долгожданная отрада,
Она лишь тех к себе манит,
Кому покой увидеть надо,

Кому приелась суета,
Того ласкающей рукою
К себе взывает красота
Незаменимого покоя.

Но размышленье о судьбе
В тот день опять ко мне вернулось,
Я шел и думал о тебе,
И почему-то мне взгрустнулось.

Презрев порок душевных мук,
Я захотел уединиться,
И надо ж было так случиться,
Что я забрел на небо вдруг.

О, здесь я не был никогда!
В ручьях, от сна восставших утром,
Журчит хрустальная вода,
Играя синим перламутром,

Деревья песнь свою поют,
Вокруг цветы благоухают –
Здесь, позабыв про неуют,
Людские души отдыхают.

Вдруг слышу сзади гневный крик –
И исчезает все богатство:
И душ невидимое братство,
И перламутровый родник.

Теряя силы, я дышал
И вскоре начал задыхаться:
Небесный царь не разрешал
К нему на небо подниматься.

Горят пурпурные огни,
Повсюду мрак холодной ночи;
Но лишь мои открылись очи,
Как снова умерли они.

Остановилась в теле кровь,
В последний раз я содрогнулся
И...неожиданно проснулся –
Еще жива моя любовь.

1994 г.

Сонет

В который раз ты будешь мной воспета,
Я никогда на чувства не скуплюсь.
Уж если ты вдруг встретила поэта,
Любимым быть поэтом я стремлюсь!

Ты бесконечно юной остаешься,
И так прекрасен свет твоих ресниц,
Ты, как и прежде, весело смеешься,
Давно затмив напыщенных девиц.

Когда устану я от жизни брэнной
И уж не будет музы вдохновенной,
Ты возродишь, как утром пенье птиц...

Грустить теперь осталось лишь Марине:
Когда еще падут пред нею ниц
Олимпа златокудрые богини?..

1995 г.

Стихосложение

В который раз, не угасая
И грохоча, как динамит,
Стихосложением горит
Моя извилина косая.

Опять берусь за рифмоплетство,
Не оставляя мир видений,
Что у моих произведений
С поэзией все ж будет сходство.

Итак, начнем... но что во-первых?
Какая мука сочинять!

1996 г.

I

Нет на свете чувихи круче,
Чем чувиха с именем Настя!
Я всю душу себе измучил,
Я сломал себе оба запястья...

Лишь услышу я Настин голос,
У меня происходит припадок:
Я сначала молчу, как тормоз,
А потом выпадаю в осадок;

И вообще рассыпаюсь на части,
И собрать меня вряд ли можно,
Потому что без этой Насти
Целым быть не по-детски сложно.

Вот я вырву листок из альбома
И возьму зеленый фломастер
И, стараясь, чтоб было ровно,
Нарисую крутую Настю:

Нарисую ей ноги, руки,
Нарисую большие пальцы,
Чтоб в минуты тоски и скуки
Можно было всегда уссываться;

А потом я подумаю сразу
И от мыслей своих заболēju:
Почему я, такая зараза,
Рисовать ни хрена не умею...

И не стану я больше соваться
В те дела, где нужна тренировка;
Мне так хочется потусоваться,
Но без Насти – какая тусовка?

Я не вижу ее – мне тоскливо,
Я не слышу ее – мне нейметя,
И в меня не вливается пиво,
И вода из-под крана не пьется.

А ночами мне просто не спится,
Все катаюсь по белой кровати;
Я боюсь умереть или спиться,
Потому что так жить мне не катит.

Ну да ладно, чего убиваться,
Дело движется мало-помалу;
Я бы мог до утра извращаться,
Но мой стих уже близок к финалу.

В общем, нету на свете круче,
Чем чувиха с именем Настя!
Я желаю ей денег кучу
И такую же кучу счастья!

Расцветет за окном облепиха,
И тогда мы воскликнем: "Здрассте!
С днем рожденья, крутая Настя!
С днем рожденья тебя, чувиха!"

1997 г.

II

В моей жизни все было тихо,
И мой разум спокойно молчал,
Но я встретил тебя, чувиха, -
Лучше бы я тебя не встречал!

Потому что я заразился
Атмосферой твоей души:
У меня геморрой появился,
У меня появились вши.

В моем юном и нежном теле
Завелась беспросветная грусть,
И теперь я прикован к постели,
И едва ли с нее поднимусь.

То ли в приступе пламенной страсти,
То ли в пьяно-похмельном бреду
Я кричу, что подохну от Насти,
А без Насти – совсем пропаду...

Да, я болен неизлечимо,
Никогда не поправлюсь я;
Только жаль, что меня помимо
Полегли все мои друзья...

Вот Максимка с ночной вазой –
Сам к себе потерял интерес, –
Ведь теперь он страдает проказой:
Затруднен мочегонный процесс...

Вот Сережка, здоровый когда-то,
Но отныне ему не до сна:
Беспокоит Сережку простата –
Не работает что-то она...

Вот Кирюха, угрюмый и мрачный,
Его рожь бледна, словно мел;
У Кирюхи был день неудачный:
Он вообще ничего не сумел.

Вот Антон, никудышный и жалкий,
На душе у него благодать;
Не кидает он девушкам палки:
Нет того, чем их нужно кидать.

А Юрцу вовсе глупо смеяться,
Он закрыт на дубовую дверь,
Разучился Юрец возбуждаться
И девчонкам не нужен теперь.

А виною всему – та особа,
Враг по сердцу мне и по уму;
Я хочу сделать что-нибудь, чтобы
Ликвидировать эту чуму.

Но не кончатся злые мытарства,
О здоровье придется забыть,
Ведь не купишь в аптеке лекарство,
Чтобы эту бациллу убить.

Может быть, только лежа в кровати,
Чтоб опять не случилась беда,
Я пойму, что любить уже хватит,
И забуду тебя навсегда.

Я помню юность: улетали дни,
Как листья желтые по скверу гонит ветер,
Я верил в то, что мы с тобой одни,
Что, кроме нас, нет никого на свете.

Я помню юность: первая любовь
Вошла мне в сердце шагом осторожным,
И я любил, и горячилась кровь,
Казалось все таинственным и сложным...

И дней прошедших не вернуть,
И наше будущее зыбко,
И далеко твоя улыбка,
И непонятен к счастью путь,

И за стеклом белеет иней,
И не щадя метет метель,
И, к сожалению, с другими
Делить приходится постель.

Они одеты в норковые шубы,
Но голову не красит пустота,
И не похожи на уста
Их черти чем намазанные губы.

Но о чем я... ведь мысли благие –
Вроде знака хороших манер –

Говорят: "То ли дело другие –
Ты бы их себе ставил в пример".

Вот Максимка – ценитель он тонкий,
Популярность снискал языком:
Ведь не сыщешь, пожалуй, девчонки,
Вкус которой ему не знаком.

А Сережка – особая школа:
Хоть на пятом живет этаже,
Но от особой женского пола
Он устал отбиваться уже.

Вон Кирюха в своем Бирюлево
Пальцы гнет исключительно ввысь:
Без него всем девчонкам хреново,
А Кирюхе без них зашибись.

И Антон уже вышел из детства:
Скоро чайник украсит венцом,
И тогда сможет он, наконец-то,
Называться законным отцом.

И Юрца не оставила слава:
В женском обществе – полный успех;
Жаль, что он не резиновый... право,
Так бы точно хватило на всех.

А моя жизнь покажется гадкой
И уже безнадежной совсем:
Я себя ощущаю прокладкой,
Что, использовав, кинули в пэм.

Но уж лучше в помойке валяться
И в спокойствии райском лежать,
Ибо в "настеподобных" влюбляться
Означает себя унижать.

Не найдешь удовлетворение,
Пусть из них даже встретишь первую,

Ведь нарушишь пищеварение,
Ведь расстроишь систему нервную,

Обнаружишь в желудке колики
И боли в области паховой
И умрешь на кровати, голенький,
Не обласканный и не траханный.

Вы воскликните: что за пошлости,
Что, вообще, за вульгарности?! –
Все дело в моей дотошности
Да еще, наверно, в бездарности,

Или в неудовлетворенности,
Или в нормальной потребности
Радоваться влюбленности
И умирать от ревности.

Но порывы эти не первые –
Укатило то время славное,
Где мы были друг другу верные
И для нас это было главное.

А теперь: кто в любовь и рыпался,
Тот наказан судьбою жуткою:
Либо он на куски рассыпался,
Либо просто стал проституткою.

Ты ж не знала святого правила:
Коль умрешь, то смертью насильственной,
И себя совсем не исправила,
А когда-то была единственной,

А когда-то была красавицей,
А когда-то – такую умницей,
Ведь тебе даже нравилось нравиться
Всем, кто видел тебя на улице.

А семья-то твоя прелестная –
Словно тайна, людей манящая,

И беседа всегда интересная,
И искренность настоящая.

Но ответь мне, скажи на милость,
Любопытство разделим поровну:
Почему ты так изменилась
И при этом в худшую сторону?

И под чьим, черт возьми, влиянием?
Я, небось, замучил вопросами,
Но ты раньше была сиянием,
А теперь сроднилась с отбросами...

Кто отыщет чувиху круче,
Чем чувиха с именем Настя,
Того я сразу насмерть замучу,
Не сказав ни "Привет", ни "Здрассте".

А в чувиху эту нескромную
Я прицелю "Калаш", играючи,
Разряжу как обойму полную –
Заживем, друзья, припеваючи.

1999 г.

Страшная женская рожа

Судьба иногда похожа
На прелесть весеннего дня:
Страшная женская рожа
Утром встречает меня.

Только совсем не слышит
Приветственные слова;
Я присмотрелся – дышит,
Значит, еще жива.

Но в глазах ни «пока», ни «здрассте»,
Ресницы выросли зря:
Хоть бы... волшебный фломастер
Их подводил втихаря...

Скромно опущены веки,
Бантиком сложен рот;
Странно: в одном человеке
Девушка и урод!..

Безыскусно любое движенье,
Как у дворника на крыльце;
Постоянное раздраженье
И на сердце, и на лице...

Воспевать бы душа не устала
Всю тоску, под которой томлюсь...
Просто толку от этого мало:
Я читать все равно побоюсь...

2002 г.

Уж не пародия ли он?

Бегут вперед неумолимо
Недели, месяцы, века,
И мысли временем гонимы,
Хотя немного их пока.

Я написал бы в прозе, может,
Когда б в стихах не был силен...
Меня ж одно сомненье гложет:
Уж не пародия ли он?

Пришла минута вдохновений,
Душа ликует и поет,
Но был ли счастлив тот Евгений,
Живя без горя и забот?

Театр уж полон, ложи блещут,
Аплодисментов громкий звон,
А в голове одно трепещет:
Уж не пародия ли он?

Но, боже мой, какая скука
Сидеть в бездонной пустоте,
И "двойка" будет мне наука
За эти строки и за те.

А как Евгений был прекрасен,
В Татьяну будучи влюблен,
Но мой набросок так ужасен,
И не пародия ли он?

1995 г.

Уста

Была бы жизнь пуста,
Была бы ты в печали,
Когда б мои уста
Твоих не замечали.

1994 г.

Фиаско

Над всеми властвует огласка,
Но самолюбие надув,
Не потерпели б вы фиаско,
Когда испортил вас триумф.

1994 г.

Что делать

Что делать мне: случилось так,
Что я влюбился, как дурак!

1995 г.

Эпитафия

Что за убийственная мука
Грызет меня в такую рань?
Всему виною эта сука!
Всему виною эта дрянь!

Она была желанней пива
И грациознее, чем лань,
Но поступила некрасиво
Со мною – вот такая дрянь!

А я любил ее так нежно,
Отдав «взаимным» чувствам дань,
Но расставанье неизбежно:
Она, увы, такая дрянь!

Она, наверное, с пеленок
Не знала слова «перестань»;
Она еще такой ребенок,
Она уже такая дрянь!

Теперь меня и божьей силой
Не затащить в Тмутаракань.
Р***** город очень милый,
Но там живет такая дрянь!

2000 г.

Этюд незнакомке

Тебе написан сей этюд
Рукой влюбленного поэта,
Но не суди его за это –
Прочти его невинный труд.

Прими ниспосланный поклон
За то, что даришь ты спасенье,
Когда в минуту вдохновенья
Вновь за перо берется он.

Твой стиль, наверно, не знаком
Большим любителям науки,
Но, боже мой, какие муки
Слагать поэмы ни о ком...

1995 г.